

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

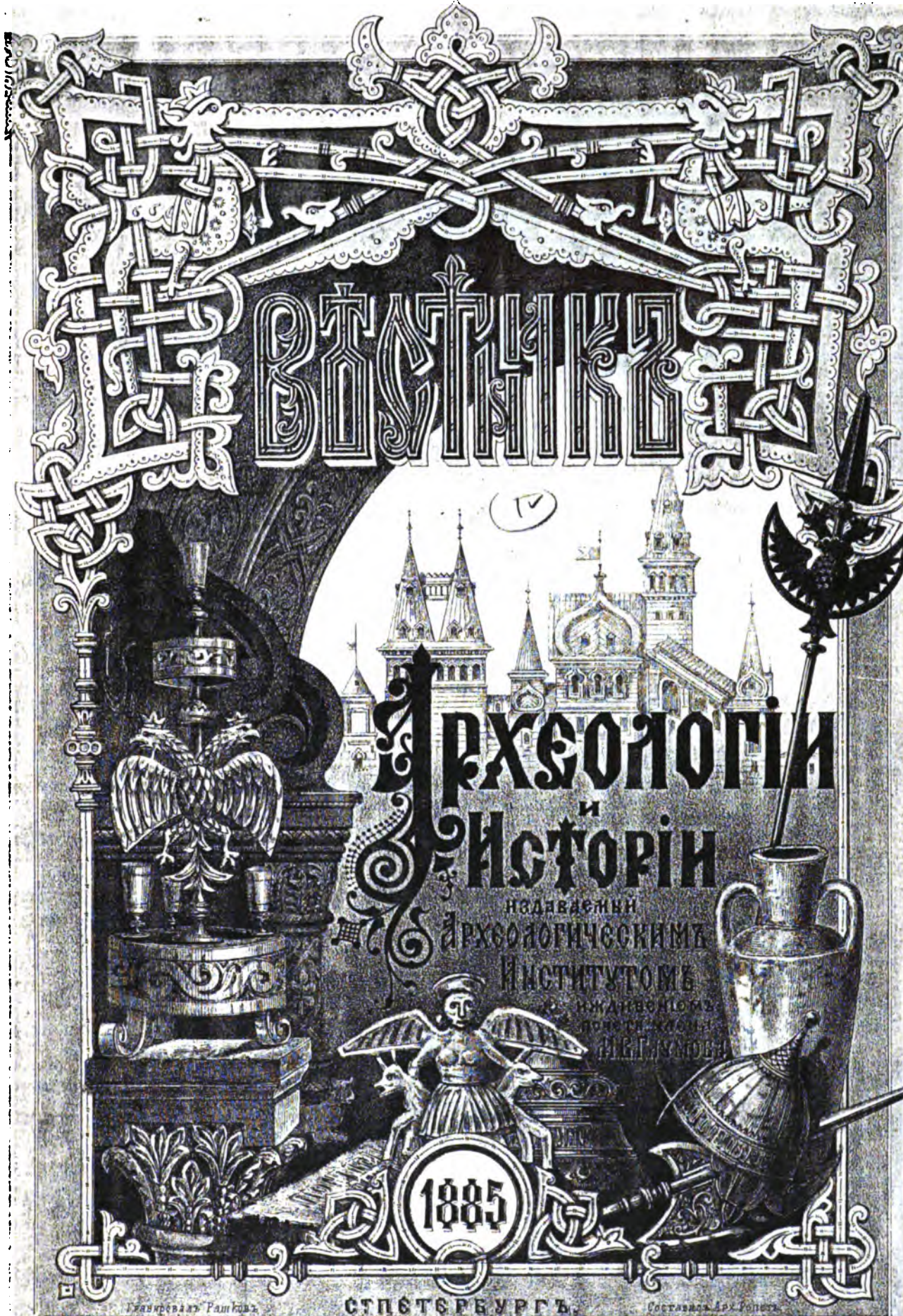
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

**Lifelong Benefactor and
First Director of This Library**

ВЕЩНИКЪ

Археологии и Исторіи

ИЗДАВАНН
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ
ИНСТИТУТОМЪ
САНКТПЕТЕРБУРГА

1885

Главнредавъ Рашковъ

СПЕТЕРБУРГЪ

Составилъ Арх. Голубъ

Типо-Литографія Я. Рашкова

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЗДАВАНЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ IV.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

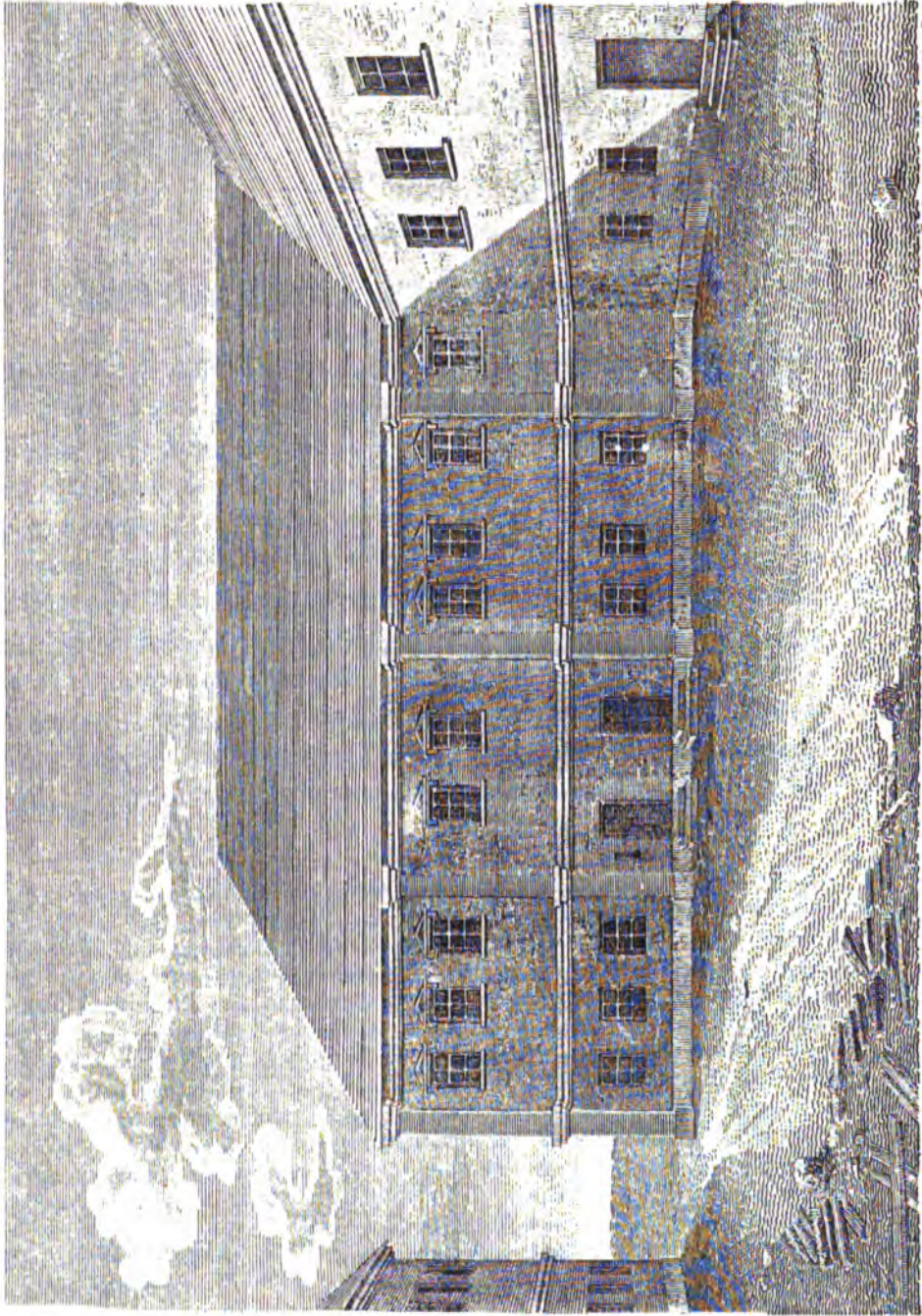
1885.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ 4-ГО ВЫПУСКА.

	стр.
1. Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря. Статья профессора Н. В. Покровскаго	1 — 34
2. Лирицизмъ пѣсни. Статья слушателя Института И. Ф. Тюменова, съ предисловіемъ дѣйствительнаго члена Н. П. Рагозина	35 — 52
3. Объ одномъ Загерійскомъ диргемѣ Мамелюкскаго султана Бибарса I. Статья дѣйствительнаго члена А. И. Марнова	53 — 62
4. Памятники художественной археологіи на академической выставкѣ 1885 г.	63 — 72
5. Появникъ покойныхъ почетныхъ членовъ Института (князя I. А. Мещерскаго и Н. И. Костомарова)	73 — 77

Къ этому выпуску приложены: 1) Дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ до его реставраціи; 2) снимки: лирика Бегазюка и лиры или бандуры; 3) диргемъ султана Бибарса I. Сверхъ того въ альбомѣ къ выпускамъ 1—4 помѣщено VIII таблицъ снимковъ съ разныхъ памятниковъ древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря (см. перечень ихъ подъ статью г. Покровскаго, вып. 4-й, стр. 34).

КЕЛЫ, ВЪ КОШХЪ ЖИЛЪ ЦАРЬ МИХАИЛЪ ФЕОДОРОВИЧЪ.

ДРЕВНОСТИ

КОСТРОМСКАГО ИПАТЬЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Ипатьевская обитель замѣчательна какъ своею исторіею, вызывающею воспоминанія о крупныхъ отечественныхъ событіяхъ и дѣятеляхъ, такъ и богатствомъ уцѣлѣвшихъ доселѣ вещественныхъ памятниковъ, обрисовывающихъ предъ нами ея историческое прошлое. Но интересъ этихъ послѣднихъ памятниковъ не есть интересъ исключительно мѣстный: многіе изъ нихъ вышли непосредственно изъ Москвы, какъ центра русскаго просвѣщенія и искусства, и потому освѣщаютъ намъ многія стороны быта древне-русскаго человѣка вообще, свидѣлствуютъ о древне-русскихъ нравахъ и обычаяхъ, о жизни монастырей, объ отношеніи къ нимъ народа и представителей власти и интеллигенціи, наконецъ дополняютъ собою количество наличныхъ данныхъ, на которыхъ созидается исторія русскаго искусства. Трудами русскихъ ученыхъ⁽¹⁾ уже достаточно разъяснены историческія

⁽¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Ипатьевскомъ монастырѣ сообщены были въ Исторіи російской іерархіи (ч. II, стр. 632 etc); болѣе подробное изслѣдованіе о немъ помѣщено въ Отеч. заи. 1819 г. II. II. Славянна; въ 1832 году составлено довольно подробное описаніе его костромскимъ епископомъ Павломъ Подлипискимъ, заслуживающее вниманія по точности сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній и графированнымъ рисункамъ монастырскихъ зданій, въ числѣ которыхъ находится дворецъ Михаила Федоровича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до исправленія его въ 60-хъ годахъ. Въ 1858 г. явилось новое описаніе Ипатьевскаго монастыря, составленное знатокомъ мѣстной старины протоіереемъ М. Діевымъ. Въ 1870 г. вышелъ трудъ проф. П. Ф. Островскаго „Историко-Статистическое описаніе костромскаго первокласснаго кафедральнаго Ипатьевскаго монастыря“, — обширный по объему, но не отличающійся точностію въ передачѣ свѣдѣній о памятникахъ древности. Частныя свѣдѣнія о вкладахъ царей и князей въ Ипатьевскій монастырь, а также о монастырскихъ колоколахъ сообщены Преосв. Макаріемъ въ извѣстіяхъ Сиб. Археол. Общества (т. III, 1861 г.). Наконецъ, очень краткое описаніе нѣкоторыхъ Ипатьевскихъ древностей находится въ Памятникахъ Общества любителей древней письменности 1878—1879 г., подъ заглавіемъ: «Фотографическіе снимки съ вещей Ипатьевскаго монастыря».

судьбы Ипатьевского монастыря; но его археологическіе памятники не получили еще полной и всесторонней оцѣнки. Не имѣя возможности въ настоящее время представить такую оцѣнку, по причинѣ многочисленности и богатаго разнообразія памятниковъ, изученіе и изданіе которыхъ потребовало бы многолѣтняго труда и значительныхъ матеріальныхъ средствъ, мы желаемъ напомнить еще разъ объ этомъ предметѣ и, придерживаясь археологической точки зрѣнія, во 1-хъ, указать важнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ, во 2-хъ, выяснитъ ихъ археологическое значеніе и въ 3-хъ, сообщить наглядное понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ фототипическихъ снимкахъ.

Преданіе сообщаетъ, что Ипатьевскій монастырь основанъ былъ татарскимъ мурзою Четомъ, предкомъ Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ и Годуновыхъ, въ первой половинѣ XIV столѣтія. Отправляясь на службу въ Москву ко двору Іоанна Даниловича Калиты и остановившись въ пути для отдыха близъ Костромы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ипатьевскій монастырь, Четъ удостоенъ былъ здѣсь видѣнія Богоматери, Ап. Филиппа и священноученика Ипатія, и это видѣніе побудило его обратиться въ православіе и увѣковѣчить память о чудесномъ событіи построеніемъ особой обители. Такъ начинается богатая событіями исторія Ипатьевского монастыря. По всей вѣроятности, первоначальныя сооруженія монастыря были деревянныя; но уже въ XVI вѣкѣ письменные источники отмѣчаютъ сооруженія каменныя, какъ-то: Соборъ Живоначальной Троицы, трапезную палату, церковь Рождества Богородицы, церковь Феодора Стратилата, колокольницу, келліи и каменную ограду вокругъ монастыря. Каковы были эти каменныя сооруженія со стороны ихъ архитектурныхъ формъ, съ точностію неизвѣстно; можно лишь, на основаніи отрывочныхъ извѣстій, догадываться, что главное зданіе монастыря, Троицкій Соборъ, построено было въ обычной архитектурной формѣ пятиглавыхъ московскихъ храмовъ XVI в., съ крытыми галлереями. Въ XVII столѣтіи произведены капитальныя перестройки и дополненія почти во всѣхъ монастырскихъ зданіяхъ. Соборъ построенъ вновь (1650 г.) по образцу Ярославскаго собора, какъ это видно изъ хранящейся въ монастырѣ копіи храмозданной грамоты; а колокольня по образцу соборной колокольни Ростова. Это обновленіе монастыря въ XVI—XVII вв. совпадаетъ со временемъ его наибольшей славы и процвѣтанія, которыя въ свою очередь объясняются тѣмъ, что именно въ это

время потоми Чета достигли высшаго положенія въ Россіи и, обладая богатыми средствами, не забывали своими щедротами основанную предкомъ обитель. Съ другой стороны великое событіе избранія на русскій престолъ жившаго въ этой обители Михаила Ѳеодоровича Романова также въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ея возвышенію. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ вниманія къ Ипатьевскому монастырю со стороны русскихъ царей и вельможъ служить доселѣ книга вкладовъ въ монастырь, къ сожалѣнію не только непзданная, на что она имѣетъ несомнѣнное право, но даже мало кому изъ цѣнителей древности извѣстная. Учѣлѣла она здѣсь не въ одномъ экземплярѣ; но изъ нихъ лучшая переписана въ 1728 году іеродіакономъ Антоніемъ Москвитиннымъ, съ старинныхъ образцовъ. Въ ней, наряду съ именами русскихъ князей и царей Василя Васильевича, Івана Васильевича, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, встрѣчаются имена знатныхъ русскихъ бояръ и князей Палецкихъ, Гундоровыхъ, Ромодановскихъ, Годуновыхъ, Голицыныхъ и проч. Всѣ эти лица настолько возвысили благосостояніе монастыря, что при учрежденіи монастырскихъ штатовъ, въ 1764 году, считалось за Ипатьевскимъ монастыремъ однихъ душъ мужскаго пола до 12,000, 28 селъ, множество деревень въ губерніяхъ — костромской, владимірской, ярославской, казанской и симбирской; нѣсколько подворьевъ въ разныхъ городахъ, лѣсныя дачи и уголья, рыбныя ловли по рѣкамъ Волгѣ и Костромѣ и озерамъ. Тѣже самыя лица не мало содѣйствовали обогащенію монастырской ризницы цѣнными вкладами, изъ которыхъ многіе остались цѣлы доселѣ и служатъ лучшими памятниками какъ славы монастыря, такъ и стариннаго русскаго искусства въ его примѣненіи къ цѣлямъ религіознымъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ и вкладовъ, какъ они записаны въ нашей вкладной книгѣ: 1) жалованная грамота великаго князя Василя Васильевича 6951 (1443) г., которою предоставляется Ипатьевскому монастырю право перевоза чрезъ рѣку Кострому, подъ монастыремъ; 2) грамота царя Ивана Васильевича IV-го 7045 (1537) г. о земляномъ дѣлѣ села Костенева; 3) того же царя грамота 7073 (1565) г., подтверждающая права монастыря на вышеозначенный перевозъ; 4) царя Ѳеодора Ивановича 7094 г. о рыбныхъ ловляхъ за Ипатьевскимъ монастыремъ; 5) того же царя и того

же года грамота о владѣннй вотчиною селѣ Никольскаго, Варана, Корабанова, до волости Еснемѣ села Вакорина, да въ Мерскомъ стану деревнею Святнмъ озеромъ съ деревнями; 6) того же царя 7100 г. о владѣннй пустошами Тепру, Квашино, Казанка; 7) его же 7102 г. еще грамота на вотчины Карбаново, Никольское, Варанъ; 8) его же грамота 7103 г. о владѣннй рыбными ловлями на Волгѣ; 9) его же грамота того же года о владѣннй селомъ Солониковымъ съ деревнями, селомъ Сарафановымъ съ деревнями Глебцовою и Косодайловою; 10) грамота царя Михаила Ѳеодоровича 7131 г. о владѣннй подмосковными и костромскими вотчинами; 11) его же грамота 7134 г. о владѣннй мельницею на рѣкѣ Борбѣ; 12) его же грамота 7122 г. о томъ, что слугамъ Ипатьевскаго монастыря самимъ въ судѣ креста не цѣловать; 13) его же грамота 7153 г. о владѣннй вотчиною села Семеновскаго; 14) грамота Иоанна и Петра Алексѣевичей 7191 г. о владѣннй волгскими рыбными ловлями въ Мискомъ стану. Всѣ эти грамоты еще недавно хранились въ монастырѣ на лицо; а въ настоящее время имѣется лишь самое незначительное количество снимковъ съ нихъ; гдѣ находятся оригиналы — остается неизвѣстнымъ. Но мы перейдемъ къ вкладамъ, которые занимаютъ въ нашей книгѣ наиболѣе обширное мѣсто. Въ числѣ этихъ вкладовъ встрѣчаются вклады — книгъ, церковныхъ сосудовъ и одеждъ съ драгоценными украшеніями, иконъ въ окладахъ съ драгоценными украшеніями и прочихъ церковныхъ вещей, также денегъ, драгоценной столовой посуды, хлѣба, соли, скота и проч. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Въ 7107 г. царь Борисъ Ѳеодоровичъ пожертвовалъ 100 рублей, да 100 пудовъ меду; въ 7094 году — 200 р. на каменное дѣло въ ограду, да виноходецъ голубой; Дмитрій Ив. Годуновъ въ 7095 г. пожертвовалъ лампаду серебрянную въ 60 р. да денегъ 200 р., которыя и были издержаны на ограду; ризы бархатныя, а оплечье бархатное на золотѣ, стихарь бархатный багровый, а оплечье бархатъ червчатый на золотѣ; да уларь бархатъ червчатый, да поручи бархатъ на золотѣ; двои ризы близинныя, оплечье бархатъ цвѣтной червчатый..... Да ризы атласныя золотыя, сажены жемчугомъ; да ризы камчатныя, да стихарь подризный; да поручи сажены жемчугомъ; да патрахиль сажена жемчугомъ, кисти золотыя, ворворки сажены жемчугомъ..... Евангеліе сажено жемчугомъ, обложено чеканомъ и украшено камнемъ и жемчугомъ.... Отъ него же сосуды серебряныя: чаша серебряная

подписана золотомъ, вѣсу въ ней 2 гривенки 7 золотниковъ; яндовка серебряная, подписана золотомъ, вѣсу въ ней 3 гривенки 39 золотниковъ; стопа серебряная съ покрывкою, вѣсу въ ней гривенка 13 зол.; судки столовые, укусуница, перечница, солонка серебряныя, вѣсу въ нихъ 3 гривенки 45 зол. Кубокъ серебр. золоченный, вѣсу 2 гривенки; чарка серебряная, вѣсу 30 зол.; чарка подписанная золотомъ серебряная, вѣсу гривенка 47 зол.; въ 7103 г. — престолъ серебряный чеканный, да индитю къ престолу бархатну сажену жемчугомъ; кадило серебряное позолоченное чеканное со святыми; двѣ чары серебряныя для водоосвященія праздничную и всенедвную, вѣсу въ нихъ 100 рублей. Лѣта 7095 далъ государевъ бояринъ и конюшій Борисъ Феодоровичъ въ Ипатскій монастырь камку голубую, да 1½ арш. бархату золотого для ризъ.... Лѣта 7098 онъ же далъ иноходець гнѣдъ, да 42 кобылицы.... Лѣта 7100—паникадило, а подъ нимъ яйцо струкамилово, съ камнемъ, обложено серебромъ, золочено, кисти съ золотомъ и серебромъ (см. ниже).... 7103 г. далъ домъ въ Китаѣ городѣ (въ Москвѣ) съ палатою каменною и съ погребомъ и хоромы.... Лѣта 7106 Стефанъ Вас. Годуновъ далъ 20,000 пудъ соли на сумму 1500 р. да атласъ червчатый золотной, да бархатъ золотной же, да кубокъ. Все это мы привели для того, чтобы подтвердить фактъ благосостоянія монастыря и объяснить его изъ покровительственнаго отношенія къ нему царей и знатныхъ бояръ. Но этимъ не исчерпывается еще сполна значеніе вкладной книги; для насъ она важна и со стороны собственно археологической. Отсюда мы знакомимся съ древними церковными одеждами, — съ ихъ матеріаломъ, украшеніями и отчасти формою; узнаемъ древнюю терминологію для обозначенія цвѣтовъ, матерій, а эта терминологія для опытнаго языковѣда и археолога откроетъ многое какъ относительно происхожденія самыхъ предметовъ, такъ и ихъ сущности. Отсюда мы узнаемъ, далѣе, объ единицахъ древней мѣры и вѣса и, что особенно важно, получаемъ возможность точнаго опредѣленія отношеній древнихъ единицъ вѣса къ нашимъ современнымъ единицамъ, такъ какъ нѣкоторые изъ предметовъ, отмѣченныхъ въ вкладной книгѣ, сохранились въ монастырѣ доселѣ и слѣд. названныя отношенія требуютъ лишь повѣрки вѣса этихъ предметовъ на нашихъ вѣсахъ. Изъ того же источника мы узнаемъ о существовавшихъ въ XVI — XVII столѣтіяхъ цѣнахъ на жив-

ненные припасы и скоть, на серебро, на произведения искусства, так как составитель вкладной книги нередко вѣстѣ съ наименованіемъ вклада отпѣчает и его цѣнность. Для примѣра укажемъ на то, что 20,000 пудовъ соли по приблизительному тогдашнему расчету стоили около 1,500 р. ассигнаціями, слѣд. каждый отдѣльный пудъ въ гуртовой продажѣ стоялъ около 15 денегъ. Вообще необходимо признать, что рассматриваемая книга очень богата художественными и бытовыми данными и если она до сихъ поръ не сдѣлалась общезвѣстной чрезъ напечатаніе, то причина этого во всякомъ случаѣ заключается не въ ней. Остатки прежняго величія монастыря довольно значительны еще и въ настоящее время: какъ древнія монастырскія сооруженія, такъ особенно богатая древними памятниками ризница представляютъ высокій археологическій интересъ.

Въ ряду зданій первое мѣсто принадлежитъ Троицкому Собору (табл. I). По своимъ основнымъ архитектурнымъ формамъ онъ примыкаетъ къ обычному типу старинныхъ московскихъ храмовъ: форма нѣсколько удлиненнаго четырехугольника въ планѣ, съ тремя апсидами на восточной сторонѣ, съ столбами, соединенными вверху арками, надъ которыми возвышаются трибуны и куполы, — все это черты общезвѣстныя не только въ старинной русской, но даже и въ византійской архитектурѣ. Снаружи — это пятиглавое зданіе, съ фасадными формами въ видѣ трехъ закругленныхъ сверху и снабженныхъ живописями фасъ на сѣверной и южной стѣнахъ. Съ западной стороны его глухая паперть, къ которой съ сѣверной стороны ведетъ крытое крыльцо, въ видѣ портика, поддерживаемаго колоннами, раздутыми въ видѣ яйца (табл. III, рис. 1). Крыльцо и паперти этого рода представляютъ нередкое явленіе въ старинной русской архитектурѣ; достаточно здѣсь вспомнить московскій Благовѣщенскій соборъ. Всѣ внутреннія поверхности собора покрыты живописью, исполненною въ первый разъ въ XVII в. костромскими иконописцами и потомъ неоднократно поновленною. Не отличаясь какими либо стилистическими особенностями, живопись эта весьма богата своимъ внутреннимъ содержаніемъ: здѣсь находятся и историческія изображенія лицъ и событій ветхаго и новаго завѣта, и аллегоріи изъ книги пѣснь пѣсней, поучительные сюжеты, какъ напр. лѣствица духовная, апокалиптическія видѣнія, и яркая картина страшнаго суда (на паперти) съ разнообразными подробностями драматическаго характера. Въ общемъ при-

емъ распредѣленія этихъ живописей по различнымъ частямъ храма встрѣчается не мало особенностей, по сравненію съ обычными древне-византійскими и русскими приѣмами, что объясняется довольно позднимъ уже происхожденіемъ этихъ стѣнописей. Въ ряду другихъ изображеній здѣсь находятся, между прочимъ, изображенія царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича на юго-восточномъ столбѣ храма подлѣ царскаго мѣста: оба царя представлены во весь ростъ, въ царскихъ одеждахъ, съ атрибутами царской власти—скипетрами въ рукахъ. Изображенія эти отличаются достаточною свѣжестью (лицо Михаила Ѳеодоровича повреждено) и художественностію исполненія; а ихъ индивидуальныя особенности и точное воспроизведеніе подробностей костюмовъ даютъ основаніе считать ихъ не произвольнымъ вымысломъ художника, но произведеніемъ портретнымъ, хотя бы въ смыслѣ условномъ—иконописномъ. Появленіе здѣсь изображеній этихъ царей объясняется изъ воспоминанія о томъ крупномъ событіи въ фамиліи Романовыхъ, свидѣтелемъ котораго былъ Троицкій Соборъ, т. е. объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Что царя эти представлены въ храмѣ, мѣстѣ общаго богослуженія, наряду съ изображеніями Возжества и Святыхъ, это не должно удивлять насъ. Подобныя примѣры изображеній царей и епитимовъ встрѣчаются въ старинныхъ храмахъ византійскихъ, равно какъ и въ храмахъ Кіева, Новгорода и Москвы: они не имѣютъ здѣсь того значенія, какое усвоится изображеніямъ Святыхъ, но служатъ лишь напоминаніемъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, подобно тому, какъ и изображенія лицъ несвятыхъ на нѣкоторыхъ многоличныхъ иконахъ, напр. воздвиженія честнаго креста, „пріидите людіе, тріипостасному Божеству поклонимся“ и др. Объ этомъ предметѣ поставленъ былъ, между прочимъ, царемъ Иваномъ Грознымъ вопросъ на Стоглавомъ Соборѣ и рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ: изображенія этого рода допущены на основаніи древняго преданія, что вполне согласуется съ уцѣлѣвшими доселѣ вещественными памятниками христіанской древности.—Иконостасъ и столбы собора украшены многими древними иконами лучшихъ писемъ; изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія четыре иконы Св. Троицы, пожертвованныя Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1586 и 1593 г. г., снабженныя надписями, указывающими на имя ихъ жертвователя и времяпожертвованія; иконы—Іоанна Предтечи, Іоанна Бо-

гослова, великомученика Дмитрія Солунскаго, икона Богоматери Тихвинской, икона „Воплощеніе“ и двѣ шитыя золотомъ и шелкомъ хоругви. Въ придѣлѣ Св. Михаила Маленна—икона успенія Богоматери, здѣсь же находится и тотъ образъ Θεодоровской Богоматери, которымъ по преданію, неподтверждаемому впрочемъ монастырскими документами, царица Марѳа благословила сына своего — Михаила Θεодоровича на царство. — Три внутреннія двери собора — съ западной, сѣверной и южной сторонъ замѣчательны какъ по своей древности, такъ и по художественности исполненія и по богатству иконографическаго содержанія ихъ украшеній. Всѣ онѣ сдѣланы въ XVI в. иждивеніемъ Дмитрія Ивановича Годунова. Въ виду особенной важности ихъ, предложимъ сначала описаніе ихъ внѣшняго вида, а потомъ представимъ необходимыя разясненія. Названныя двери сдѣланы изъ желѣза и обиты мѣдью; ихъ лицевыя стороны раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ рамъ, въ которыхъ размѣщены сдѣланныя сусальнымъ золотомъ изображенія. На западныхъ дверяхъ (табл. II, рис. 2) въ двухъ верхнихъ рамахъ представлено благовѣщеніе: въ одной рамѣ благовѣстующій архангелъ, въ другой Богоматерь; ниже — съ одной стороны пророкъ Исаія, которому принадлежитъ пророчественное изреченіе о зачатіи Спасителя отъ Дѣвы, съ другой — пророкъ Езекииль, изрекшій пророчество о затворенныхъ вратахъ. Относящіяся сюда пояснительныя надписи гласятъ: се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ. Ангелъ Господень вдаетъ пророку Исаіи уголь во уста, его же возьмъ клещами отъ алтаря⁽¹⁾. Врата сія затворена будутъ и не отверзутся и никтоже пройдетъ сквозѣ, токмо Господь Богъ израилевъ. Еще ниже въ слѣдующей рамѣ съ одной стороны лѣствица Іакова и Богоматерь съ надписью: видѣ Іаковъ, и се лѣствица утверждена на земли, глава же ея досязаше до небеси, и Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней, Господь же утверждашеся на ней; — съ другой стороны купина Моисея съ надписью: пасе Моисей стадо тестя своего Рагуила, и приде до горы хоривскія и видѣ купину огнемъ горящую, и его воззва Господь изъ купины глаголаше. . . . Моисей, Моисей, изуй ногу отъ сапогъ твоихъ, мѣсто бо есть свято, на немъ же ты стоиши, земля свята есть. Еще ниже — философъ Фродитіанъ съ над-

(1) Орфографію текста приводимъ въ исправленномъ видѣ.

писью: Богу родитися отъ дѣвицы чистыя Маріи, въ него и азъ вѣрую; философъ Ермій съ надписью: Бога убо разумѣти неудобно, сказать же невозможно, есть бо трисоставенъ и не сказаненъ существомъ и естество немнущее въ человѣцехъ уподобленія. Въ послѣднихъ двухъ нижнихъ рамахъ: Омпросъ съ надписью: свѣтло земнымъ возсіяетъ въ языцѣхъ христосъ ходити начнетъ странно и совокупитъ земная съ небесными; — Менандръ съ надписью: неизслѣдованно и неизреченно и неразрушительно Божество въ три лица составляемо, отъ человѣкъ вземлемо и прославляемо. Всѣ эти изображенія, какъ видно, имѣютъ между собою внутреннюю связь и выражаютъ мысль о явленіи Божества во плоти: къ этой мысли приводитъ какъ изображеніе благовѣщенія, такъ и изображенія лицъ ветхаго завета съ ихъ прообразованіями, и языческихъ философовъ съ ихъ предсказаніями о Христѣ. — На сѣверныхъ дверяхъ, въ такихъ же рамахъ, находятся иныя изображенія. Вверху — изображенія Св. Троицы и пророка Аввакума съ его пророчествомъ: Богъ отъ юга придетъ и Святый отъ горы пріосѣненныя чащи дѣвича; — рядомъ — Рождество Пресв. Богородицы и Гедеонъ съ пророчествомъ: азъ, рече, руно пронарекохъ ты отроковице прежде, отъ него же искапа роса. Ниже — пророкъ Ілія съ надписью: Ілія ревнуя поревновахъ по Господѣ Вседержителѣ, — рядомъ прор. Елисей съ надписью: живъ Богъ и жива душа твоя. Еще ниже: Еврипидъ съ надписью: азъ чаю неприкосновенному родитися отъ Дѣвы и воскресити мертвыя и пакы судити имъ; — Сивилла: отъ безневѣстныхъ и всечистыя Дѣвы Богу явится имъ и во адѣ сущимъ, его же трепещутъ ангельстии и человѣчестии мысли. — На третьихъ южныхъ дверяхъ (табл. II, рис. 1) вверху въ двухъ рамахъ изображено дважды благовѣщеніе въ различныхъ переводахъ, съ надписями — при одномъ: Архангелъ... посланъ бысть съ небесъ рещи Богородицѣ «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою»; при другомъ: посланъ бысть отъ солнца праведнаго Архангелъ Гавріиль во градъ галилейскій Назаретъ ко дѣвѣ Маріи, обрученной древодѣлю Іосифу, або дѣлатель всея твари Дѣву сію на спасеніе человѣкомъ обручи... Ниже прозябшій жезлъ Аароновъ, на которомъ изображено знаменіе Богоматери, Ааронъ и Даніиль съ ихъ пророчествами; подлѣ Аарона написано: двѣтуще ты прежде моего жезла, отроковице, прозвахъ жезлъ, проявляя твою благодать; подлѣ Даніила: азъ ты рекохъ гору дѣвственную, отъ нея же отсѣчеса ка-

мень и порази тѣло златое. Еще ниже Платонъ и Аполлонъ предъ костью, лежащимъ въ гробѣ, съ надписью: Аполлонъ не Богъ, но жрецъ; но есть Богъ на небеси и Ему сняти на землю и воплотиться отъ Дѣвы чистя, въ Него же азъ вѣрую; а по моей смерти сняти Ему на землю. . . . рядомъ Валаамъ съ надписью: добрыя домовы твои Иакове и селенія израилю, яко страны осѣняюще яко сады при водахъ, возсіяетъ звѣзда отъ Иакова и востанетъ человекъ отъ израиля и сотретъ князи Моавитстїи и плѣнитъ вся сифовы, израиля сотвори крѣпость. Въ нижнемъ ряду въ трехъ рамахъ изображены Сивиллы съ надписями: 1) Царица южская приде видѣти премудрость Соломона, и се болю Соломона зрѣ. . . о треблаженное древо, на немъ же распяся; 2) Единъ премудръ и страшень зѣло сѣдѣя на престолю своемъ Господь Богъ, яко премудрость отъ свята и съ нимъ есть во вѣкъ; 3) судъ знамя земли, потомъ. . . отъ небеси царь придетъ во вѣкъ будущій Исусъ Сираховъ⁽¹⁾. Таково содержаніе изображеній на нашихъ дверяхъ. Ни со стороны технической, ни со стороны иконографіи двери эти не представляютъ собою явленія единственнаго: такія же двери находятся въ московскихъ соборахъ Успенскомъ и Влаговѣщенскомъ. Всѣ онѣ устроены одинаковымъ техническимъ способомъ и всѣ вышли, вѣроятно, изъ московскихъ мастерскихъ XVI в. Различіе ихъ состоитъ въ объемѣ и неодинаковомъ размѣщеніи изображеній; другія двери, уцѣлѣвшія доселѣ въ разныхъ мѣстахъ—въ Александровской слободѣ влад. губ. (1836 г.), въ суздальской церкви Рождества Богородицы, т. н. курсунскія въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ уже представляютъ значительныя отличія отъ разсматриваемыхъ дверей какъ по технике, такъ и по характеру изображеній; но всѣ онѣ стоятъ въ генетической зависимости отъ Византіи. Металлическое производство стояло въ Византіи на высокой ступени развитія, и въ частности производство металлическихъ дверей доставило византійскимъ мастерамъ громкую извѣстность не только въ Византію, но и за предѣлами ея. До сихъ поръ сохранились бронзовыя двери Св. Софіи Константинопольской, украшенныя крестомъ и виноградными лозами. Въ X в., по распоряженію Константина Порфиророднаго, устроены были для хризотрикліи въ императорскомъ дворцѣ серебряныя двери съ изображеніями Спаси-

(1) Надписи заимствуются нами изъ описанія прот. Островскаго стр. 181—183.

теля и Богоматери. Въ XI в. цѣлый рядъ металлическихъ дверей сдѣланъ былъ византійцами для Италіи. Итальянскіе города, напр. Венеція, Амальфи находились въ то время въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византією—торговыхъ и политическихъ. Одинъ изъ знатныхъ гражданъ Амальфи, жившій перѣдко въ Константинополѣ, по имени Панталеонъ, пожертвовалъ въ соборъ своего отечественнаго города бронзовыя двери, устроенныя въ Константинополѣ: на нихъ изображены были Спаситель, Богоматерь, Апостолы—Петръ и Андрей. Двери эти удостоились благосклоннаго вниманія аббата монтекассинскаго монастыря Льва, и Панталеонъ прислалъ изъ Константинополя другія двери въ Монте-Кассино. Въ 1076 г. тѣмъ же лицомъ пожертвованы двери въ церковь Св. Ангела на горѣ Гаргано. Сынъ Панталеона устроилъ въ 1087 г. двери для церкви Спасителя въ Атрани; Робертъ Гюискаръ—для Салерно. Около того же времени (1070 г.) устроены знаменитыя врата для церкви Св. Павла за стѣнами Рима: исполнены онѣ въ Константинополѣ художникомъ Ставракіемъ, по заказу аббата Гильдебранда, впоследствии папы Григорія VII; на нихъ въ 54-хъ рамахъ представлены событія изъ жизни Спасителя, картины мученичества, изображенія пророковъ и святыхъ. Помимо разнообразія изображеній врата Ставракія замѣчательны и своею техникою: онѣ сдѣланы изъ бронзовыхъ пластинъ; на поверхности этихъ пластинъ впрѣзаны вглубь очертанія лицъ, складки одеждъ, и въ эти углубленія вставлены пластинки или нити изъ золота и серебра. Головы святыхъ, руки и ноги сдѣланы эмалевыя. Такимъ же характеромъ отличаются и двери въ храмъ Св. Марка въ Венеціи, устроенныя около 1085 г. или непосредственно византійскими художниками, или итальянскими подражателями византійцевъ: во всякомъ случаѣ ихъ византійская техника и стиль не подлежатъ сомнѣнію; тоже самое нужно сказать о дверяхъ въ Равелло, Трани, Монреале, Пизѣ и Луккѣ⁽¹⁾. Повидѣе, въ эпоху готики и ренессанса, сооруженіе цѣнныхъ дверей на западѣ не прекращалось, и плоскій рельефъ въ ихъ орнаментикѣ сталъ господствующимъ. Наоборотъ въ Россіи, если оставить въ сторонѣ памятники западнаго происхожденія, принять былъ способъ украшенія дверей близко сходный съ византійскою инкрустацією. Роль сусального золота въ разсма-

(¹) C. Beyel, *L'art byzantin* p. 202—203.

триваючихъ шпательскихъ дверяхъ соотвѣтствуетъ подобной же роли золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ въ византийской инкрустаціи; это есть подражаніе, безъ сомнѣнія, далеко отстоящее по достоинству отъ своего прототипа.

Представляя немаловажный интересъ для исторіи художественной техники, шпательскія двери замѣчательны также и со стороны помѣщенныхъ на нихъ изображеній. Здѣсь являются предъ нами разнообразныя иконографическіе сюжеты, введенныя сюда съ цѣлію выраженія идеи о явленіи Бога на землѣ. Къ этой цѣли направлены изображенія пророковъ съ ихъ пророчествами о явленіи Мессіи отъ Дѣвы, равно какъ и отдѣльные эпизоды изъ ветхозавѣтной исторіи, имѣющіе прообразовательный смыслъ, и языческіе философы и сивиллы. Это явленіе находитъ свое объясненіе еще въ древнехристіанской литературѣ. Древніе христіане, вдохновленные идеєю искупленія, находили немаловажный интересъ въ возможномъ сопоставленіи совершившихся событій новозавѣтныхъ съ ветхозавѣтными, тѣмъ болѣе, что примѣры такого сопоставленія ветхозавѣтныхъ пророчествъ и ихъ исполненій даны были уже въ книгахъ новаго завѣта. Руно Гедеона, купина Моисея, жертвоприношеніе Авраама, мѣдныи змѣи, Самсонъ, уносящій ворота города Газы, Іона поглощаемый и извергаемый морскими звѣремъ — суть прообразы новозавѣтныхъ событій — приснодѣвства Богоматери, принесенія І. Христомъ самого себя въ жертву за людей, креста спасающаго людей отъ вѣчной смерти, Христа сокрушающаго врата ада, Его смерти и воскресенія. Мысль эта проходитъ какъ въ древней литературѣ, такъ и искусствѣ. Языческая литература и исторія не могли также ускользнуть изъ вниманія представителей христіанской образованности. Воспитанные на началахъ классическаго образованія, знакомые съ языческою литературою, философією, искусствомъ представители христіанства не могли не обратиться и къ этой области съ цѣлію найти въ ней указанія на христіанство; и ихъ попытки не остались вполнѣ безуспѣшными. Греческіе философы Сократъ, Платонъ и др. съ ихъ возвышенными идеальными понятіями о верховномъ существѣ доставляли благодарную почву, на которой могло произойти, если не соглашеніе между христіанствомъ и основами естественной религіи, то по крайней мѣрѣ уясненіе тѣхъ предчувствій о наступленіи новой эпохи, которыя возникали среди лучшихъ людей языческой эпохи, хотя и смутно сознавались ими. Христіане нахо-

дили въ мысляхъ и изреченіяхъ язычниковъ нѣкоторыя указанія на христіанство, и въ этомъ заключается основаніе—почему нѣкоторые изъ языческихъ философовъ ставились въ рядъ пророковъ. Христіанское искусство довольно долго не вводило языческихъ философовъ въ сферу иконографіи; по крайней мѣрѣ ни въ древне-христіанскихъ, ни византійскихъ живописяхъ до XVI в. мы не знаемъ ни одного примѣра. Изъ XVII — XVIII в. одинъ примѣръ указанъ Дидрономъ въ монастырѣ Ивиронѣ на Аѳонской горѣ: здѣсь во внѣшнемъ нарѣжкѣ церкви Богоматери (*Παναγία πορταϊτίσσα*) помѣщены изображенія философовъ Плутарха, Фукидида, Софокла, Платона, Аристотеля, Филона и Солона со свитками въ рукахъ. Фукидидъ въ надписи названъ прямо философомъ (*ὁ φιλόσοφος*), Софоклъ мудрецомъ (*ὁ σοφός*), Солонъ — афиняниномъ (*ὁ Ἀθηναῖος*), Филонъ — филологомъ (*ὁ φιλόλογος*), остальные не имѣютъ надписей. Надписи, заключающіяся въ ихъ свиткахъ не составляютъ точныхъ изреченій этихъ лицъ, но лишь выражаютъ общій смыслъ ихъ ученій. Что изображенія эти въ XVII — XVIII в. не были рѣдкими, но принадлежали къ числу болѣе или менѣе обыкновенныхъ, это видно уже изъ того, что о нихъ говорятъ греческій иконописный подлинникъ: особая глава подлинника посвящена описанію этихъ изображеній; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Аполлоній старъ, борода раздвоенная, на головѣ повязка, а въ свиткѣ написано: исповѣдую единого Бога въ троицѣ, царствующаго надъ всѣмъ міромъ; Его непорочное слово зачнется во чревѣ юной дѣвы... Платонъ старъ; большая широкая борода; въ свиткѣ его написано: древнее есть новое и новое есть древнее; отецъ въ сынѣ и сынъ во отцѣ, единство раздѣлено на три, и троица соединена въ единствѣ. Кромѣ Аполлонія и Платона греческій подлинникъ описываетъ способы изображеній Солона, Фукидида, Плутарха, Аристотеля, Филона филолога, Софокла, Тулуса египетскаго царя и Валаама ⁽¹⁾. Надписи въ ихъ свиткахъ, за исключеніемъ Валаама, формулированы уже христіанами примѣнительно къ сущности ученій названныхъ лицъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти описанія изображеній философовъ, какъ составная часть иконописнаго подлинника, были важны для иконописцевъ въ ихъ практикѣ, — иначе они и

⁽¹⁾ Didron, Manuel d'iconogr. chr. p. 148—150.

не вошли бы въ подлинникъ; слѣдовательно изображенія языческихъ философовъ не составляли рѣдкаго явленія въ практической дѣятельности иконописцевъ. Косвенное подтвержденіе этого находимъ у знатока аеонской живописи еп. Порфирія (1). По тѣмъ же самымъ основаніямъ, языческіе философы занесены и въ нашу русскую иконографію. Примѣры такихъ изображеній: въ Николаевской церкви Отенскаго монастыря подъ храмовою иконою св. Николая въ иконостасѣ изображенъ Омирозъ въ вѣнкѣ со свиткомъ: свѣтло на земли возсіяетъ во языцѣхъ, христосъ ходити начнетъ. Въ вашицкомъ монастырѣ подъ иконою Іоанна Богослова въ иконостасѣ Платонъ со свиткомъ: Аполлонъ не есть Богъ, но есть Богъ на небесахъ, ему же сняти на землю и воплотитися, и Елеусъ со свиткомъ: Единъ есть премудръ и страшенъ зѣло, сѣдай на престолѣ своемъ Господь вся премудрость; — подъ Спасителемъ, сѣдящимъ на престолѣ, Ерміи и Еврипидъ (2). Подобныя же изображенія философовъ со свитками находятся внизу иконостаса праваго придѣла во псковскомъ Троицкомъ соборѣ; въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (Аристотель) на стѣнѣ надъ сѣбно сѣверныхъ дверей (3) и на московскихъ вышеупомянутыхъ дверяхъ. Въ русскихъ подлинникахъ XVII—XVIII в. встрѣчаются особныя статьи „о еллинскихъ мудрецахъ, иже отчасти пророчествоваху о превышнемъ Божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ пречистыя Богородицы“; таковы напр. подлинники Клиновской и Строгановской (4). Таковы данныя для археологическаго разъясненія изображеній философовъ на Ипатьевскихъ дверяхъ. Перейдемъ къ изображеніямъ сивиллъ. Извѣстно, что еще древне-христіанскіе писатели усвоили сивиллиннымъ книгамъ, составленіе которыхъ относится ко времени отъ II в. до Р. Х. до III в. по Р. Х., нѣкоторое пророчественное значеніе: въ ряду такихъ писателей назовемъ Іустина мученика, Татіана, Аеинагора, Климента римскаго, Климента александрійскаго, Теофила антиохійскаго, Григорія назіанзина, Арновія, Коммодіана, Лактанція, Іеронима, Амвросія, Августина, Проспера и Исидора испанійскаго.

(1) Зографическая лѣтопись Аеона въ Чт. въ общ. любит. дух. проsv. 1884, кн. III, мартъ, стр. 251.

(2) Макарій, археол. опис. древа. Новгорода, II, 41—42.

(3) Снегиревъ, Пам. моск. древи., 86.

(4) Буслаевъ, Очерки, II, 362—364.

Всѣ они признавали, что въ сивиллинныхъ книгахъ находятся по мѣстамъ пророчества о Христѣ, но относительно источника этихъ пророчествъ думали различно: одни изъ нихъ признавали эти пророчества плодомъ высшаго божественнаго вдохновенія, другіе напротивъ считали ихъ произведеніемъ дьявольскимъ. Императоръ Константинъ великій въ своемъ словѣ къ обществу святыхъ приводитъ пророчество о Христѣ (акростихъ $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$) сивиллы эритрейской, свидѣтельствуя съ полнымъ убѣжденіемъ, что это пророчество дѣйствительно принадлежитъ язычницѣ и явилось подъ влияніемъ Божественнаго вдохновенія. Выраженій такого убѣжденія въ вещественныхъ памятникахъ христіанской древности мы не находимъ довольно долго. Первые изображенія сивиллъ принадлежатъ западной Европѣ: здѣсь онѣ найдены и въ ряду фресковыхъ живописей въ храмахъ, и въ миниатюрахъ, и въ барельефахъ, и въ шитьѣ, и въ живописи на стеклѣ. Дидронъ указываетъ примѣры во многихъ французскихъ церквахъ, и въ миниатюрахъ часослова Анны французской, дочери Людовика XI-го. Сивиллы являются на этихъ памятникахъ не въ одной традиціонной формѣ, но въ различныхъ; число ихъ простирается до 12-ти, а именно: сивилла персидская, ливійская, эритрейская, кумская, сомосская, киммерійская, европейская, тибуртинская, Агрппина, дельфійская, аспонтъенская и фригійская. Сополучность приписываемыхъ имъ предсказаній обнимаетъ пришествіе Мессіи, какъ свѣта міра, благовѣщенію, рождество Христово въ Вилелемѣ и ясли, избіенію младенцевъ, заупеиіи Христа, страданія Его, смерть и воскресенію. Въ средне-вѣковой драмѣ сивиллы также не были забыты и входили въ составъ процессій, совершавшейся въ Севильѣ въ страстную пятницу ⁽¹⁾. На древнихъ памятникахъ Византіи сивиллы не встрѣчаются; но подлинникъ Дидрона, въ редакціи XVIII в., отмѣчаетъ одну Сивиллу со свиткомъ, въ которомъ написано: грядетъ съ неба вѣчный царь, который разсудитъ всяку плоть и весь міръ. Отъ Дѣвы непорочной долженъ придти единый сынъ Бога. Вѣчное, неприступное, единое Слово Божіе. Отъ него вострепещутъ небеса и человѣческій духъ ⁽²⁾. Въ памятникахъ русскихъ сивиллы встрѣчаются не очень часто; въ упомянутомъ отенскомъ монастырѣ подъ мѣстною иконою

⁽¹⁾ Didron, Manuel p. 152—153.

⁽²⁾ Didron. p. 150.

Спасителя находится изображеніе Сивиллы Делфійской, а подъ иконою Тихвинской Богоматери другая сивилла со свиткомъ: дадутъ же заушенія скверными руками. Въ клинцовскомъ подлинникѣ XVII в. сивиллы вводятся въ иконописный канонъ, на томъ основаніи, что онѣ пророчествовали о Пречистой Дѣвѣ Маріи и о воплощеніи Бога Слова (¹). Въ подлинникахъ сборныхъ помѣщаются особныя статьи о мудрецахъ и сивиллахъ (²). Если принять во вниманіе отсутствіе этихъ сивиллъ въ древнѣйшихъ памятникахъ византійской и русской иконографіи и широкое распространеніе ихъ въ иконографіи западной, то легко будетъ допустить, что онѣ перешли на востокъ съ запада. Въ русской сборной рукописи гр. Строганова въ статьѣ о сивиллахъ прямо сказано, что она взята изъ книги мудреца Меркуса. Но болѣе рѣшительнымъ признакомъ западнаго происхожденія сивиллъ служитъ ихъ стиль: всѣ извѣстныя доселѣ изображенія сивиллъ какъ въ стѣнописяхъ, такъ и въ миниатюрахъ, и на дверяхъ, и на полотнѣ сдѣланы въ западномъ живописномъ стилѣ, но не восточномъ иконописномъ. Трудно допустить, чтобы изображеніе могло явиться уже въ XVI в. въ такомъ своеобразномъ, несвойственномъ духу византійскаго искусства, видѣ, если бы оно издавна существовало и въ византійскомъ подлинникѣ и въ подлинникахъ новгородскихъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ передѣлкою византійскаго стиля подъ влияніемъ запада, но съ чистымъ западнымъ стилемъ. Такимъ образомъ изображенія сивиллъ на ипатьевскихъ дверяхъ составляютъ одинъ изъ элементовъ западнаго иконографическаго преданія, хотя и имѣющаго свои основанія въ литературныхъ преданіяхъ древняго христіанства.

Съ западной стороны собора находится колокольня (табл. III, рис. 3), сооруженная въ 1603 году иждивеніемъ Д. И. Годунова, по образцу соборной колокольни Ростова. Форма ея—стѣна длиною 11 сажень, шириною $3\frac{1}{2}$ сажени; въ пролетахъ этой стѣны расположены колокола, уже извѣстныя въ археологической литературѣ. Реставраціи колокольни въ 1770 и 1852 гг. измѣнили ея подробности; но среди этихъ измѣненій легко отличить въ ней первоначальную основную форму. Въ шатровой башнѣ, возвышающейся надъ колокольнею, сохранились остатки механизма

(¹) Макарій, II, 42.

(²) Буславъ, Очерки II, 362—364.

древнихъ часовъ, сильно поврежденнаго, но отличающагося оригинально-
стію: по видимому, ипатьевскіе часы принадлежать къ тому же самому типу,
что и известныя часы на Новгородской Евфиміевской башнѣ. Съ южной
стороны собора и колокольни находится храмъ въ честь Рождества Бого-
родицы, построенный въ 1859—1864 г. на мѣстѣ стараго храма того же
имени, и потому не представляющій археологическаго интереса (табл. III,
рис. 2). Къ западу — знаменитый по историческимъ воспоминаніямъ
ипатьевскій дворецъ, въ которомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ до избранія
на царство; на нашемъ рисункѣ (табл. IV) онъ представленъ уже въ видѣ
реставрированнаго⁽¹⁾. Когда въ 60-хъ годахъ задумана была его реставрація,
то рѣшено было взять за образецъ боярскаго сооруженія известнѣйшій домъ,
принадлежавшій тому же Михаилу Ѳеодоровичу въ Москвѣ, существующій
до сихъ поръ. Къ сожалѣнію это рѣшеніе осталось лишь въ проектѣ; а на
дѣлѣ между двумя названными зданіями оказалось слишкомъ мало сход-
ныхъ чертъ. Такимъ образомъ памятникъ этотъ уже утратилъ свое значе-
ніе для исторіи русскаго искусства и важенъ для насъ лишь по соединен-
нымъ съ нимъ историческимъ воспоминаніямъ. Внутреннее убранство дворца
обнаруживаетъ въ реставраторѣ гораздо болѣшую долю знанія и вкуса, что
объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что предъ глазами его находились
здѣсь же въ старомъ дворцѣ остатки старинной мебели и изразцовъ, при-
мѣнительно къ которымъ могла быть устроена внутренняя обстановка.
Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе изразцы на печахъ съ сипными рисунками
по бѣлому полю. Рисунки имѣютъ по большей части аллегорическій харак-
теръ; они не отличаются сложностію и особенною выразительностію; но
недостатокъ ихъ внутренняго выраженія восполняется находящимися здѣсь
надписями, состоящими изъ библейскихъ изреченій и поговорокъ; напр.
„правда и миръ облобызастася“; при рисункѣ, изображающемъ змѣя на де-
ревѣ, находится надпись: „съ тобою засыхаю“; изображеніе зайца съ на-
вострѣнными ушами сопровождается надписью „недремлющимъ окомъ кара-
юлю“ и проч. Изъ мебели обращаютъ на себя вниманіе кресла и стулья,
обитыя разрисованною и раззолоченною кожей и шитою шелкомъ и сере-
бромъ матерію: большая часть ихъ — имитация. Изъ предметовъ религіоз-

⁽¹⁾ О видѣ его до реставраціи, хотя также не первоначальною, можно судить по гравюру
1832 г., приложенной въ началѣ этой статьи.

Вып. 4-й.

ныхъ уцѣлѣлъ здѣсь одинъ деревянный складень: въ срединѣ его изображена Богоматерь Θεодоровская съ Арх. Михаиломъ, св. Николаемъ, Арх. Гавріиломъ и Сѣргіемъ Радонежскимъ, а въ боковыхъ крыльяхъ складня— апостолы Петръ и Павелъ. Преданіе не безъ вѣроятности считаетъ этотъ складень принадлежностію моленной комнаты Михаила Θεодоровича. Всѣ остальные предметы дворца сдѣланы вновь.

Ризница ипатьевского монастыря заключаетъ въ себѣ такое богатое собраніе древностей, какое можно встрѣчать лишь въ рѣдкихъ русскихъ монастыряхъ, и съ расширеніемъ помѣщенія могла бы служить хорошимъ церковно-археологическимъ музеемъ. Здѣсь представляется взорамъ наблюдателя разнообразіе и роскошь художественныхъ формъ, высокое качество матеріала — золота, серебра, жемчуга, бархата и парчи, высокія достоинства древне-русской техники; все это, вмѣстѣ съ историческими преданіями о собранныхъ здѣсь предметахъ, невольно вызываетъ вниманіе къ нашему историческому прошлому. Почти всѣ предметы ипатьевской ризницы рекомендуютъ наше старинное искусство только съ лучшихъ сторонъ. Безъ сомнѣнія, это вовсе не означаетъ того, что наше старинное искусство не имѣло темныхъ сторонъ, а свидѣтельствуетъ лишь, во 1-хъ, о томъ, что сюда поступали преимущественно вклады именитыхъ лицъ, исполненные лучшими художниками, во 2-хъ, о томъ, что предметы сравнительно худшіе, какъ не имѣющіе въ глазахъ обыкновеннаго цѣнителя искусства важнаго значенія, были уничтожены. Все разнообразіе древностей ипатьевской ризницы сводится къ слѣдующимъ группамъ: 1) церковные сосуды, 2) кресты, 3) иконы и складни, 4) памятники древняго шитья, 5) рукописи разнаго содержанія, особенно лицевыя; 6) документы.

1) Наиболѣе цѣнные сосуды пожертвованы въ ипатьевскій монастырь Годуновыми. Лучшіе изъ нихъ—это подарокъ Дмитрія Ивановича и сына его Владиміра Годуновыхъ—массивный потиръ, дискосъ, звѣздца, копіе и лжица, сдѣланные изъ золота (поддонъ дискоса серебряный и составляетъ работу позднѣйшую); потиръ украшенъ чеканными изображеніями четырехъ евангелистовъ, а дискосъ — изображеніемъ Вожественнаго Агнца - Младенца, подлѣ котораго стоятъ ангелы съ ромбондальными рипидами. Потиръ имѣетъ надпись: „лѣта 1599 при царѣ и великомъ князе Борисѣ Θεодоровичѣ всея руси далъ сей потиръ вдомъ пречистые и живоначальныя Троицы

выпачкой монастырь золотые сосуды потиръ звѣзду три блюда лжицу коницею дагъ конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ и сынъ его Владиміръ по своей душе и по своихъ родителей и ввечны благъ“. Второй потиръ серебряный съ звѣздицею и лжицею 1603 года, — подарокъ околыничаго Ивана Ивановича Годунова: потиръ украшенъ витымъ орнаментомъ и чеканнымъ изображеніемъ Деисиса. Третій потиръ серебряный отличной ажурной работы, съ серебрянымъ дискомъ и звѣздицею въ стилѣ второй половины XVII вѣка. Къ этой же категоріи предметовъ слѣдуетъ отнести водосвятныя чаши, изъ которыхъ одна пожертвована Яковомъ Аванасьевичемъ Годуновымъ (во иноцѣхъ Іосифъ), въ царствованіе Ивана Грознаго; вторая 1594 года и третья начала XVII в. — подарокъ Д. И. Годунова. Два паннихидныхъ блюда, изъ которыхъ одно пожертвовано тѣмъ же Д. И. Годуновымъ, другое Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ. Обращаетъ на себя вниманіе также иѣдное литое паникадило съ нѣсколькими ярусами свѣчниковъ и надписью: „во 167 году (1659) дагъ вкладу выпачкой монастырь Иванъ Ивановичъ Щетневъ паникадило.“ По своей формѣ оно сходно съ такими же паникадилами Новгородскаго Софійскаго собора, изъ которыхъ самое большое устроено въ 1600 году въ царствованіе Бориса Годунова, какъ это видно изъ находящейся на яблѣ его надписи. Отъ другаго паникадила, пожертвованнаго Борисомъ Годуновымъ, сохранилось въ ипатьевской ризницѣ одно строфокамилово яйцо въ серебряной оправѣ, съ надписью вырѣзанною вокругъ: „лѣта 7101-го генваря в ѿ се паникадила у живоначальныя Троицы во храмѣ ипатьскаго мѣтѣря поставилъ слуга и конюшей і бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годунов“⁽¹⁾. Представляютъ интересъ также: серебряная ладонница съ 13-ю бюстовыми изображеніями свѣтскаго характера, исполненная въ стилѣ возрожденія, повидимому, западнымъ художникомъ и, вѣроятно, бывшая первоначально ларцомъ или солонкою; кропило, пожертвованное Иваномъ Андреевичемъ Голицынымъ, западной работы, передѣланное, кажется, изъ подсвѣчника; другое кропило 1658 года съ черневою надписью: лѣта 7166 году Августа въ 6-й день построено сіе кропило въ домъ живоначальныя Троицы въ Ипацкій монастырь при архиморятѣ Тихонѣ збратію изъ ризницы; фонарь, сдѣланный изъ жальза и

(1) Надпись эта обязательно сообщена намъ о. ризничимъ іеромонахомъ Гавріиломъ.

слуды въ формѣ многостолбной шатровой церкви, — одинъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода, уцѣлѣвшихъ доселѣ.

2) Напрестольные серебряные кресты XVI—XVII вв: одинъ изъ нихъ, украшенный филигранью и жемчугомъ, положенъ въ монастырь игуменомъ Вассіаномъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и митрополитѣ Макаріѣ въ 7071 году. Крестъ этотъ снабженъ св. мощами, среди которыхъ, между прочимъ, отмѣченъ въ надписи „ладонь“ неизвѣстнаго происхожденія. Другой крестъ 7102 г. (1594) положенъ Д. И. Годуновымъ; въ числѣ находящихся въ немъ мощей отмѣчены надписями „пѣна чернаго моря,“ „неопалимая купина,“ подъ которою нужно разумѣть, вѣроятно, часть того несгораемаго куста, въ которомъ нѣкогда явился Моисею Самъ Богъ; здѣсь же — часть того жезла, которымъ Моисей извелъ воду изъ камня въ безводной пустынѣ. Третій серебряный крестъ, безъ обозначенія года, но не ранѣе XVII в., заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ другими мощами, часть неопалимой купины и жезла Моисея, часть манаты и посоха Александра Свирскаго, часть гроба св. Пафнутія Воровскаго, одѣяло (!) св. великомученика Пафнутія Воровскаго, переть Проконія Устюжскаго, переть Ивана Юродиваго и „песочикъ ерданскій“. Четвертый серебряный крестъ 195 (1687) года; — пятый того же года крестъ съ ладономъ чудотворца Сергія и каплею крови Спасителя. Какъ бы мы ни объясняли появленіе въ ряду мощей этого іорданскаго песочка, морской пѣны, неопалимой купины и жезла Моисеева, — составляютъ ли они изобрѣтеніе завѣзжаго грека, эксплуатировавшаго простодушіе русскаго человѣка, или приобрѣтены дорогою цѣною русскимъ поклонникомъ во святыхъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ здѣсь обнаруживается непоколебимая и простосердечная вѣра русскаго человѣка въ историческую святиню, вѣра безъ всякаго скептицизма и критики. Іорданскій песочъ являлся въ его сознаніи символомъ великаго событія въ исторіи христіанства — крещенія Спасителя; купина Моисеева указывала на одно изъ великихъ чудесъ ветхаго завѣта и служила символомъ приснодѣвства Богоматери; жезлъ Моисеевъ чрезъ посредство ветхозавѣтнаго чуда изведенія воды изъ камня напоминалъ о водѣ жизни, дарованной Спасителемъ вѣрующимъ въ Него. Въ чувствѣ глубокой набожности онъ съ благоговѣніемъ хранилъ, какъ завѣтную святиню, частицы одеждъ русскихъ подвижниковъ, даже ихъ ладонь и частицы гробовъ. Явленіе весьма замѣчательное для

характеристики нравовъ нашихъ предковъ! Здѣсь же отмѣтимъ два креста XVIв., сдѣланные изъ кости, съ рѣзными изображеніями праздниковъ и святыхъ, очень тонкой работы: одинъ изъ нихъ съ греческими надписями, что указываетъ на его греческое происхожденіе.

3) Собраніе иконъ представляетъ значительное разнообразіе какъ въ отношеніи техники, такъ и иконографическаго содержанія ихъ. Здѣсь встрѣчается и рѣзба на кости, камнѣ, аспидѣ и деревѣ, и иконопись лучшихъ мастеровъ XVI—XVII столѣтій, и чеканная и филигранная работа. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ: а) складень рѣзной (табл. V рис. 1); на одной половинкѣ его изображена Св. Троица, Авраамъ и Сарра подъ дубомъ мамврійскимъ; это одна изъ самыхъ древнихъ формъ изображенія Троицы, восходящая своимъ началомъ къ древнѣйшему періоду византийскихъ мозаикъ и миниатюры. По серебрянымъ полямъ этого изображенія начеканена надпись: о тебѣ радуется обрадованная вся тварь, архангельскій соборъ и человѣческій родъ. Надпись эта, очевидно не имѣетъ тѣснаго отношенія къ изображенію Св. Троицы и относится къ сюжету „О тебѣ радуется,“ помѣщенному на другой половинкѣ складня. Перестановка эта сдѣлана, безъ сомнѣнія, однимъ изъ реставраторовъ складня. Другая половинка складня имѣетъ кругомъ надпись: днесъ спасенію нашему начатокъ вѣчной тайнѣ явленіе; между тѣмъ изображенъ здѣсь, какъ сказано, сюжетъ „О тебѣ радуется.“ Изображеніе это въ своемъ содержаніи воспроизводитъ текстъ упомянутой церковной пѣсни: здѣсь мы видимъ сонмы ангеловъ вокругъ Богоматери, о которыхъ говоритъ выраженіе пѣсни: „ангельскій соборъ;“ внизу рядъ святыхъ мужей, на которыхъ указываетъ другое выраженіе той же пѣсни „человѣческій родъ;“ вверху—палаты въ видѣ храма и дерева, что соответствуетъ словамъ пѣсни „освященный храмъ и раю словесный;“ наконецъ въ центрѣ — Богоматерь съ Младенцемъ Спасителемъ, о которой означенная пѣснь говоритъ: „дѣвственная похвало, изъ нея же Богъ воплотился и младенецъ бысть. . . .“ Вверху изображенія написано: „О тебѣ радуется“. . . . б) Другой складень также изъ черной кости съ серебряными полями, украшенными золотою сканью (табл. V, рис. 2), заключаетъ въ себѣ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ Иисусомъ, обрамленное кругомъ, положеннымъ на восьмиугольный никбъ, въ углы котораго помѣщены символы четырехъ евангелистовъ, Св. Духъ въ видѣ

голубя и нѣсколько символическихъ знаковъ (рука, ковчегъ, лампада), подъ которыми является Богоматерь въ церковныхъ иѣснонѣнїяхъ; между углами звѣзды помѣщены изображенїя херувимовъ⁽¹⁾. На другой половинѣ складня находится нѣсколько группъ изображенїй, рѣдкихъ по своимъ формамъ и ихъ комбинаціи: въ верхней части представленъ образъ Богоматери, предъ которымъ стоитъ пророкъ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, въ мантии и головной повязкѣ, довольно обычной въ иконографїи ветхозавѣтныхъ пророковъ; слѣва надъ палатами — изображеніе Спасителя (2), благословляющаго пророка. Ниже — престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Спаситель со свиткомъ; подлѣ него — женщина въ мантии съ обнаженными плечами и народъ. Еще ниже — закланіе тельца, какъ оно обыкновенно представляется на изображенїяхъ Св. Троицы подъ дубомъ мамврїйскимъ. Комбинація иконографическихъ группъ здѣсь необычайна; но объяснивъ въ указанномъ смыслѣ отдѣльныя группы, мы полагаемъ возможнымъ дать слѣдующее объясненіе цѣлому образу: верхняя часть выражаетъ идею ветхозавѣтнаго пророчества о рожденїи Спасителя, премудрости Слова Божїа, и если допустить, по аналогіи съ подобными же изображенїями, что образы Богоматери и пророка — означаютъ купину Моисееву, то нужно будетъ признать, что здѣсь выражена также и мысль о приснодѣвствѣ Богоматери. Въ срединѣ эта предсказанная въ ветхомъ завѣтѣ Премудрость является въ видѣ двѣнадцатилѣтняго Иисуса Христа, поучающаго народъ въ храмѣ іерусалимскомъ; для яснѣйшаго выраженїя идеи о Софїи Премудрости художникъ помѣстилъ рядомъ съ Спасителемъ женщину, какъ олицетвореніе Софїи въ античномъ образѣ, принятое въ христіанской иконографїи. Внизу изображены плоды премудрости „закалывающей жертвенныхъ животныхъ и уготовляющей трапезу для ищущихъ премудрости“⁽³⁾. Итакъ, цѣлое представляетъ Премудрость Божїю въ трехъ различныхъ моментахъ. в) Третій складень костяной составляетъ, какъ видно изъ надписи, вкладъ по Иванѣ, убиенномъ царевичѣ; г) Складень деревянный съ изображенїями Пресв. Богородицы и святителя Николая чудотворца, украшенный по полямъ серебряною басмою и серебряными съ финифтью вѣнчиками; заключаетъ въ себѣ: мощи

(1) О значенїи этихъ подробностей см. Опытъ описанїя нѣкоторыхъ символич. иконъ. А. Виноградовъ. Спб. 1877.

(2) Притч. Солом. IX, 1—5.

св. царя Константина и Иоанна Перскаго, кровь Христову и песокъ гроба Господня. — Изъ ико́нь писанныхъ на деревѣ отмѣтити: икону св. Александра Невскаго, представленнаго въ монашескомъ одѣянїи со свиткомъ, образъ Св. Троицы съ изображенїями на поляхъ—князя Всеволода и княгини Ольги, двѣ иконы Владимірской Богоматери, украшенный филигранью паннагіарь съ изображенїями снаружи свв. Ипатїя и апостола Филиппа, образъ мученицы Агриппины — владѣ Годуновыхъ. Сверхъ того — болѣе 20-ти древнихъ ико́нь, пожертвованныхъ Годуновыми, пять ико́нь, пожертвованныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, икона Мати Молебница, образъ Иоанна новгородскаго чудотворца, иконы Умиленїя и Казанской Богоматери и проч. доставляютъ цѣнный матеріалъ для исторїи русскаго иконописанїя въ XVI и XVII вв.

4) Памятники древняго шитья въ Ипатьевской ризницѣ многочисленны и разнообразны. На табл. VI рис. 1—2 представлены два воздуха или покроя, шитые золотомъ и серебромъ по червчатой камкѣ и украшенные жемчугомъ. Въ центрѣ того и другаго представленъ Агнецъ Божїй, закланный за грѣхи всего міра; около Него по два ангела съ рипидами, представленны въ положенїи лицъ служащихъ; сверху низходитъ на Агнца (въ рис. 2 подъ звѣздицею) Св. Духъ отъ Бога Отца. По угламъ херувимы и серафимы. Цѣльное изображенїе представляетъ жертву Спасителя подѣ формами литургическими. Вокругъ воздухонъ расположены соответствующїя надписи, вышитыя серебромъ и жемчугомъ; на первомъ написано: се агнецъ Божїй взямаѣй грѣхи всего міра. Примите и ядите се естъ тѣло мое еже за вы лонимое во оставленїе грѣховъ. Надпись на поляхъ втораго покроя: дасть святнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ примите и ядите се естъ тѣло мое еже за вы и лонимое во оставленїе греховъ. Сверхъ того на этомъ послѣднемъ покровцѣ вышита еще другая надпись, объясняющая его происхожденїе: Божию милостию при благовѣрномъ Государе царѣ и великомъ князе Борисе Ѳеодоровиче в(с)ея ру(си) самодержце и при его благовѣрной царице и велико(й) княгини Марье и при ихъ благородныхъ чадахъ при благовѣрномъ царевиче Ѳеодорѣ и при благовѣрной царевне Ксенїи сдѣлалъ сеи сударь конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ вдомъ живоначальной Троице ипацкаго монастыря по своей душѣ и по своихъ родителейъ ввечныхъ ради благъ лѣта 7107-го* (1599). Надъ

ангелами и звѣздцею написано: се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра.— Достойны вниманія также: два сударя, изъ которыхъ одинъ пожертвованъ женою Ѳеодора Іоанновича Аграфеною Годуновою, другой—Д. И. Годуновымъ (Островскій, 101 — 102); шитые образа свв. ап. Филиппа, великомуч. Дмитрія и Ипатія; шитая пелена, въ срединѣ которой представлена Св. Троица, а по краямъ 16 изображеній, содержаніе которыхъ опредѣляется слѣдующими надписями: а) сотвори 10 (9) чиновъ ангельскихъ, б) сотвори небо и землю и воду, в) сверженіе сатанино съ небесъ, г) созда Господь Адама отъ земли и дуну на лице его душу живу, д) изгнаніе Адама и Евы изъ рая за преступленіе, е) Ной собираетъ животныхъ въ ковчегъ двое двое, ж) явился Св. Троица Аврааму подъ дубомъ маврійскимъ, з) умовеніе ногъ Св. Троицы, и) угодова Авраамъ Св. Троицѣ трапезу, і) искушаетъ Господь Авраама о сынѣ его, к) иде Св. Троица къ Содому и Гоморру погубити, л) кланяшеся Авраамъ Господу вопрошаше о праведницехъ, м) изведе Господь изъ Содома Лота и дщери его, н) погуби Господь Содомъ и Гоморръ, жена Лотова столпъ бысть, о) Іаковъ видѣ лѣствицу и ангели Божіи, п) Моисей видѣ купину огнемъ палиму.— Шитая плащаница съ изображеніемъ въ срединѣ положенія во гробъ Спасителя; она положена въ монастырь Годуновыми, и потому на поляхъ ея представлены святые, тезоименитые Годуновыхъ: (1) Агіосъ Николай, Іоаннъ Богословъ, ап. Петръ, арх. Михаилъ, ап. Павелъ, Андрей, митр. Алексѣй, Іоаннъ лѣствичникъ, Дмитрій великомученикъ, Василій, Парасковія Пятница, Ѳеодоръ Тиронъ, Глѣбъ, Борисъ, Стефанида, Евфимія, Ксенія, Агриппина, Екатерина, Пятница (!), Ѳеодоръ Стратилать, св. Иванъ, Симеонъ, Георгій и Сергій; также деисисъ и ангелъ. Находящаяся вокругъ надпись „со святыми упокой“ и т. д. указываетъ на то, что это былъ надгробный покровъ.— Покровъ 1645 года, положенный на гробницу Алексѣя Никитича Годунова женою его Ксеніею. Покровъ 1592 года, положенный царицею Ириною на гробницу отца Ѳеодора Іоанновича Годунова.— Образцы шитья находятъ здѣсь также на священнослужительскихъ облаченіяхъ: древнія фелони съ роскошными бархатными оплечьями (до 7 фелоней) и до 7 древнихъ оплечій, пришитыхъ уже къ новымъ ризамъ, епитрахили и набедренники составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній ризницы;

(1) Догадка эта принадлежитъ о. ризничему іеромонаху Гавріилу.

особенно хороши: фелонь, украшенная серебряными дробницами, съ надписью: лѣта 7153 (1645) сентябрь въ 1-й день дала сія вкладныя ризы въ домъ живоначальныя Троицы въ монастырь святыхъ чудотворцевъ Ипатія и Филиппа по Алексіѣ Никитичѣ Годуновѣ; — двѣ также украшенныя серебряными дробницами и подаренныя Годуновыми въ 1587 году епитрахили; парчевая епитрахиль съ вышитыми изображеніями ап. Павла, митр. Іоны и діакона Тимона, шесть древнихъ палицъ, изъ которыхъ двѣ украшены серебряными дробницами, одна жемчугомъ и три съ изображеніями — Знаменія Богоматери, Св. Троицы и митр. Алексія; набедренникъ 1669 года и проч.

5) Лицевыя рукописи ипатьевского собранія относятся къ XV—XVII в. и представляютъ собою евангелія и псалтири. Лучшее и древнѣйшее изъ лицевыхъ евангелій писано не позднѣе 1603 года и составляетъ вкладъ окольного Ивана Ивановича Годунова, какъ это видно изъ надписи на серебряномъ окладѣ его, находящемся теперь на другомъ печатномъ евангеліи 1682 года (1). Составъ этого евангелія слѣдующій: надпись, въ которой излагаются свѣдѣнія о четверичномъ числѣ евангелій; сказаніе о годовомъ порядкѣ евангельскихъ чтеній; оглавленіе евангелій отъ Маттея, и Теофилакта архіепископа Болгарскаго предисловіе къ евангелію Маттея; текстъ четырехъ евангелій; праздничныя евангелія отъ Сентября; сказаніе о дневныхъ и воскресныхъ евангеліяхъ всего года; послѣдованіе часовъ св. великаго пятка и различныя евангелія на дни безплотныхъ силъ, мучениковъ, іерарховъ, преподобныхъ и проч.; также на частныя случаи. Рукопись эта писана превосходнымъ полууставомъ въ десять и украшена роскошными голубыми раззолоченными заставками предъ каждымъ изъ четырехъ евангелистовъ и многочисленными миниатюрами. Обычныя въ евангеліяхъ изображенія четырехъ евангелистовъ представляютъ здѣсь нѣкоторыя отличія въ усвоенныхъ евангелистами символахъ: ев. Маттею усвоенъ ангелъ съ книгою въ рукахъ, ев. Марку — орелъ съ книгою, ев. Луку — телець съ крыльями и книгою; ев. Іоанну, который диктуетъ Пророку, левъ съ крыльями и книгою, въ которой написано: въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово, сей бѣ искони къ Богу.

(1) Островскій, 95.

Отличіе это; впрочемъ, не есть оригинальная черта нашего евангелія и повторяется нерѣдко въ другихъ памятникахъ. Высокую важность имѣютъ миниатюры разсматриваемаго евангелія, сопровождающія евангельскій текстъ. Примѣнительно къ тексту ев. Маттея, первая миниатюра его представляетъ родословное древо, иллюстрирующее книгу родства І. Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Внизу картины среди двухъ горъ съ двумя городами сидитъ старецъ Авраамъ; отъ него идутъ вверхъ ряды медальонныхъ изображеній Исаака, Іакова, Іуды и проч., перевитыхъ одною непрерывною вѣтвію плюща. Цѣлый рядъ поколѣній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, замыкается вверху Богоматерью, „изъ нея же родился Іисусъ глаголемый Христосъ“. Для того, чтобы яснѣе опредѣлить значеніе Богоматери въ этомъ ряду, миниатюристъ помѣстилъ въ чревѣ ея изображеніе Младенца Іисуса во весь ростъ, подобно тому, какъ это изрѣдка встрѣчается на иконахъ благовѣщенія. Въ самомъ верху картины миниатюристъ изобразилъ Рождество Христово, со всеми подробностями, сопровождавшими это событіе; въ яркихъ краскахъ представлены здѣсь: явленіе ангела пастырямъ, шествіе волхвовъ и поклоненіе ихъ родившемуся Спасителю, явленіе ангела волхвамъ, гнѣвъ Ирода, обманутаго волхвами, избіеніе младенцевъ и бѣгство во Египетъ, причемъ на ряду съ идущею Богоматерью и Іосифомъ, несущимъ Спасителя на плечахъ, введена апокрифическая подробность въ лицѣ Симона ведущаго осла. Такова иллюстрація ев. Маттея. Иначе поступаетъ миниатюристъ въ отношеніи евангелія Марка: здѣсь онъ выбираетъ событія изъ начала, середины и конца Евангелія и изображаетъ: проповѣдь Предтечи, крещеніе Спасителя, искушеніе Его въ пустынѣ и призваніе первыхъ апостоловъ, чудо умноженія хлѣбовъ, Преображеніе, входъ въ Іерусалимъ, вечерю въ домѣ Симона, тайную вечерю, ходатайство Іосифа аримаеяйскаго о погребеніи тѣла Спасителя, снятіе Спасителя съ креста и положеніе его во гробъ. Въ евангеліи Луки миниатюристъ представляетъ явленіе ангела Захаріи съ вѣстію о рожденіи Предтечи, Благовѣщеніе (съ руководълемъ), Обрѣзаніе и Срѣтеніе; здѣсь ему пришлось отмѣтить еще разъ родословіе І. Христа, согласно съ сказаніемъ объ этомъ предметѣ въ III главѣ ев. Луки. Въ евангеліи Іоанна листъ миниатюръ заключаетъ въ себѣ слѣд. изображенія (табл. VII): вверху Отечество, т. е. изображеніе Св. Троицы, Отца, сѣдящаго въ обра-

зѣ старца на високомъ престолѣ и окруженнаго херувимами и серафимами, Сына въ нѣдрахъ Отца и Св. Духа въ нѣдрахъ Сына. По изъясненію надписи, миниатюра эта выражаетъ слова ев. Іоанна: въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово; сей бѣ искони къ Богу. Бога никто же видѣ нигдѣ же, Единородный Сынъ сый въ лонѣ Отчи Той исповѣда намъ. Въ обычной на древней памятникахъ композиціи этого изображенія Св. Духъ помѣщается надъ главою Сына, но не въ нѣдрахъ Его. Однакожь и тѣ немногія изображенія, гдѣ Св. Духъ является въ нѣдрахъ Сына, отнюдь не выражаютъ собою идею католичества объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“; здѣсь задача миниатюриста заключается не въ томъ, чтобы выразить въ наглядныхъ формахъ взаимоотношеніе лицъ Пресв. Троицы, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что Св. Духъ, изображенный въ нѣдрахъ Сына, исходитъ не отъ Отца, но только отъ одного Сына, — а въ томъ, чтобы изобразить единство Божества при триничности лицъ; далѣе этого не простиралась мысль художника богослова. Рядомъ съ этою миниатюрою художникъ изобразилъ бракъ въ Канѣ галилейской и изгнаніе изъ храма торгующихъ, ниже — бесѣду съ Никодимомъ, бесѣду съ Самарянкою и исцѣленіе разслабленнаго; еще ниже — явленіе І. Христа ученикамъ на морѣ тиверіадскомъ во время бури, исцѣленіе слѣпаго и воскрешеніе Лазаря; все это такія событія, которыя доказываютъ Божество Спасителя, слѣд. выборъ ихъ свидѣтельствуетъ о достаточныхъ богословскихъ понятіяхъ нашего миниатюриста. — За евангелиемъ Іоанна слѣдуетъ рядъ миниатюръ, стоящихъ въ связи съ отдѣльными евангельскими чтеніями: раздаваніе апостоламъ тѣла и крови Христовой раздѣльно въ двухъ особыхъ миниатюрахъ, вечера въ домѣ Синона, умовеніе ногъ, распятіе Спасителя, испрошеніе Іосифомъ и Никодимомъ тѣла Іисусова у Пилата, снятіе Спасителя съ креста, положеніе его во гробъ, воскресеніе въ видѣ сошествія въ адъ и вознесеніе на небо. Всѣ отиѣченныя миниатюры весьма удовлетворительны со стороны художественной и отличаются стремленіемъ къ живописи въ смыслѣ академическомъ. Другое евангеліе 1605 года — вкладъ Д. И. Годунова, какъ это видно изъ надписи, начеканенной на задней серебряной доскѣ оклада. На лицевой сторонѣ его — серебряный окладъ съ изображеніями (на дробницахъ) святыхъ тезоименитыхъ Годуновымъ. Миниатюры его расположены на поляхъ рукописи и

изображают многія евангельскія событія: въ ев. Матеея находится 38 миниатюръ, Марка 10, Луки 35, Иоанна 16. Со стороны иконографической онѣ не представляютъ какихъ либо оригинальныхъ особенностей; единственное здѣсь, довольно рѣдко повторяющееся въ другихъ русскихъ памятникѣхъ, изображеніе, это добрый пастырь съ овечкою на плечахъ, помѣщенный въ видѣ иллюстраціи къ евангельской притчѣ о заблудшей овцѣ; это остатокъ искусства древне-христіанскаго. Съ художественной стороны миниатюры эти не безукоризненны; всѣ лики святыхъ сдѣланы чернилами, контуры и драпировка не отличаются правильностію и тщательностію, но краски чрезвычайно свѣжи и ярки. — Третье Евангеліе печатное 1681 года съ миниатюрами на поляхъ, сдѣланными отъ руки; двѣ миниатюры замѣчательны по своей оригинальности: иллюстрируя слова евангелія Матеея „видиши сучецъ во оцѣ брата твоего, бревна же, еже есть во оцѣ твоешъ, не чуеши“ (Мате. VII, 3), миниатюристъ представилъ двухъ лицъ, стоящихъ другъ противъ друга и изобразилъ въ глазахъ ихъ — у одного сучекъ, у другого цѣлое бревно. Вуквализмъ этого рода нерѣдко встрѣчается въ нашихъ миниатюрахъ XVI—XVII вв., особенно въ лицевыхъ псалтиряхъ и сборникѣхъ; въ частности и отиѣченный сюжетъ повторяется какъ въ миниатюрахъ греческихъ, такъ и въ русскихъ и западныхъ; для примѣра можно указать на лицевой сборникъ музея общества любителей древней писменности № XXXIX, печатное изданіе Ионки 1712 г., съ западными гравюрами, гдѣ названный сюжетъ объясняетъ главу объ осужденіи, біблію Пискатора (изд. 1674 г., л. 327). Въ другомъ мѣстѣ, представляя явленіе воскресшаго Спасителя ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, нашъ художникъ изобразилъ Спасителя въ обыкновенной шапкѣ! Это неслыханное дѣло въ византійской и русской иконографіи; оно находитъ свое объясненіе въ образцахъ западной гравюры. Въ бібліи Пискатора сцена эта отличается тою же тривиальностію, какъ и въ нашихъ евангеліи: Христосъ идетъ, среди двухъ учениковъ, въ шляпѣ и съ посохомъ въ лѣвой рукѣ (л. 411); тамъ же въ сценѣ явленія Маріи Магдалинѣ воскресшій Спаситель является въ костюмѣ виноградаря, въ шляпѣ съ лопатою въ лѣвой рукѣ (л. 410). Западный художникъ, вводя въ картины эти подробности, хотѣлъ выразить мысль о томъ, что Христосъ, являясь въ такомъ необыкновенномъ для Него видѣ, не могъ быть узнавъ тѣми, съ кѣмъ Онъ

бесѣдовалъ. Русскій художникъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, подражалъ западному образцу. — Сверхъ отиѣченныхъ евангелій заслуживаютъ также вниманія еще три рукописныя евангелія: одно 1561 — 1564 г., другое 1588 и третье безъ опредѣленной даты, но не позднѣе XVI в.; во всѣхъ ихъ находятся изображенія евангелистовъ; а въ первомъ изъ нихъ, принадлежавшемъ Адриану Михайлову изъ Сергіева монастыря, символами первыхъ трехъ евангелистовъ служатъ фигуры ангеловъ въ восьмиугольныхъ нимбахъ, олицетворяющія собою Софію Премудрость Божию.

Три Ипатьевскія лицевыя псалтири представляютъ три различныя редакціи. Первая XVI в. отличается однообразіемъ миниатюръ, изображающихъ по преимуществу одного и того же царя Давида предъ образомъ Спасителя. Вторая псалтирь 1591 года — владѣть Д. И. Годунова, заключающая въ себѣ до 576 миниатюръ отчасти въ листъ, отчасти въ половину листа, представляетъ собою совершенно особую, неизвѣстную намъ по другимъ памятникамъ, редакцію и отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ иконографическихъ сюжетовъ. Мысль миниатюристовъ направлена здѣсь главнымъ образомъ къ воспроизведенію событій новозавѣтныхъ, для которыхъ псалтирь доставляетъ множество прообразовъ и пророчествъ; и если свести въ одно цѣлое всѣ находящіяся здѣсь изображенія событій новозавѣтныхъ, то предъ нами явится почти цѣльная евангельская исторія въ лицахъ. Здѣсь же проявляются многія любопытныя черты, характеризующія литературныя и художественныя воззрѣнія нашихъ предковъ: обиліе образовъ и сравненій, заимствованныхъ изъ внѣшней природы, стремленіе къ воспроизведенію подробностей, заимствованныхъ изъ фізіологовъ и бестіаріевъ, напр. объ оленѣ, орлѣ, аспидѣ глухомъ, притчи, напр. притча о суетѣ человѣческой жизни, олицетворенія земли и моря въ видѣ полубнаженныхъ женщинъ, Иордана въ видѣ старца, вѣтра въ видѣ юноши съ трубою во рту. Подробности эти характеризуютъ степень начитанности русскаго человѣка и даютъ ключъ къ рѣшенію вопроса объ отношеніи русскаго искусства къ античному, византійскому и западному ⁽¹⁾. Прилагаемые два рисунка (табл. VIII) даютъ наглядное понятіе о характерѣ миниатюръ этой псалтири. Ри-

(1) Подробности въ нашей ст. объ этой псалтири: Христ. Чт. 1883 г. №№ 11—12.

сунокъ 2-й представляетъ первый листъ первой каензмы; подъ изящною заставкою его написано золотомъ вязью: Давида пророка и царя пѣснь каензма; въ миниатюрѣ направо (отъ зрителя) представленъ Иосифъ аримаетейскій, къ которому приближается І. Христосъ; это „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ,“ какъ видно изъ помѣщенной надъ главою Христа надписи: Иосифъ Аримаетей не иде на совѣтъ къ жидомъ. Совѣтъ же жидовъ изображенъ съ лѣвой стороны: это первосвященники и книжники съ книгою закона совѣщаются относительно Христа; раздраженная толпа ихъ жестама даетъ понять, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь и къ чему приведетъ это совѣщаніе; надпись надъ этою частію миниатюры: жидове на Господа совѣтъ совѣщываютъ како Его убити. Далѣе на первой сторонѣ между изображеніями І. Христа и Иосифа изображено подобіе рѣвки голубаго цвѣта, а внизу цвѣтущее дерево: по всей вѣроятности, миниатюристъ желалъ здѣсь выразить наглядно извѣстное уподобленіе блаженного мужа древу: и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водѣ, еже плодъ свое дастъ во время свой и листъ его не отпадетъ (Пс. I ст. 3). Такимъ образомъ уже съ самаго начала миниатюръ художникъ переносится мыслію въ новыи завѣтъ и обнаруживаетъ наклонность къ наглядному представленію даже образовъ и сравненій псалмопѣвца. — Рисунокъ 1-й представляетъ извѣстную притчу о суетѣ человѣческой жизни, заимствованную изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ. Притча говоритъ, что нѣкоторый человѣкъ, спасаясь отъ преслѣдованія единорога, упалъ въ пропасть; но во время паденія зацѣпился за вѣтви растущаго здѣсь дерева. Посмотрѣвъ внизъ, онъ съ ужасомъ замѣтилъ пасть страшнаго змѣя, изрыгающую огонь, и двухъ мышей — черную и бѣлую, которыя грызли корень дерева. Опасность была велика, но когда погибающій увидѣлъ на деревѣ капли меда, то, презирая всѣ ужасы, сталъ ѣсть этотъ медъ. Притча эта, по объясненію Варлаама, означаетъ слѣдующее: единорогъ — смерть преслѣдующая человѣка, пропасть — миръ сей, исполненный зла, дерево — человѣческая жизнь, змѣя — адская утроба, мыши черная и бѣлая — ночь и день, медъ — сладость міра сего. Подробности эти мы видимъ и въ нашей миниатюрѣ, гдѣ представленъ единорогъ, преслѣдующій человѣка, человѣкъ сидящій на деревѣ, двѣ мыши у корня дерева и пасть страшнаго змѣя. Объяснительная надпись „житіе человѣче“ и характеръ миниатюры показываютъ ясно, что

здѣсь иллюстрируются слова 143-го псалма „человѣкъ суетѣ уподобися“ (ст. 4). Остальная часть миниатюры, не имѣющая, по видимому, органической связи съ первой, представляетъ царя Давида, группу павшихъ ницъ воиновъ и вверху — Господа Саваога. — Третья псалтирь 1594 года пожертвована въ Ипатьевскій монастырь также, какъ и предыдущая, Д. И. Годуновымъ и въ своихъ миниатюрахъ сходна съ другими псалтирями, написанными въ томъ же году по заказу того же лица для монастырей Соловецкаго, Кириллобѣлозерскаго и Троице-сергіева (1600 г.); также самая редакция и въ известной псалтири угличской 1485 г., хранящейся въ императорской публичной библиотекѣ, равно какъ и въ лучшей изъ нихъ по достоинству миниатюръ и древнѣйшей пергаментной псалтири, писанной въ 1397 году въ Кіевѣ и находящейся теперь въ музеѣ императорскаго общества любителей древней письменности⁽¹⁾. Миниатюры этой редакціи менѣе сложны, чѣмъ въ псалтири 1591 г., не столь богаты по своему замыслу и не столь крупны (сдѣланы на поляхъ рукописи) и многочисленны, хотя въ общемъ направленіи ихъ нельзя не видѣть нѣкотораго сходства съ псалтирью 1591 г.⁽²⁾ Тамъ и здѣсь обнаруживается наклонность къ изясненію текста псалтири изъ событій новаго завѣта, по мѣстамъ буквализмъ, притча и олицетворенія.

6) Последнюю категорію памятниковъ Ипатьевской ризницы составляютъ документы; говоримъ не о тѣхъ документахъ, которые хранятся въ монастырскомъ архивѣ, но собственно о бумагахъ находящихся въ ризницѣ. Еще въ недавнее время количество этихъ документовъ было здѣсь весьма значительно, и въ ряду ихъ находилось не мало такихъ, которые имѣютъ не только мѣстное, но и общее значеніе для исторіи Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ уже изданы въ специальныхъ археографическихъ изданіяхъ, другіе вошли въ составъ специальныхъ изслѣдованій по русской исторіи, иные еще и до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Уже довольно давно знатоки русской старины стали обращаться къ Ипатьевскимъ документамъ для разясненія исторіи дома Романовыхъ, искали здѣсь также и другихъ памятниковъ древней письменности, и къ какимъ блестящимъ результатамъ приво-

(1) Изданіе ея посредствомъ фототипіи, въ цѣльномъ видѣ, ожидается въ непродолжительномъ времени.

(2) См. объ этой редакціи ст. Ф. И. Булаева въ Очеркахъ т. II стр. 199 и слѣд.

дали иногда эти поиски — известно каждому; достаточно вспомнить, что здѣсь найденъ былъ Ипатьевскій списокъ лѣтописи, относимый историографами къ XV — XVI в. Существующіе теперь въ монастырѣ рукописи не имѣютъ столь широкаго значенія, но въ рѣшеніи вопросовъ частныхъ, особенно касающихся исторіи Костромы и сосѣднихъ мѣстностей, онѣ являются незамѣнимыми. Общее количество ихъ, помимо документовъ архива, простирается до 500. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: списокъ съ грамоты объ избраніи Михаила Феодоровича на царство; прототипъ этого списка, известнаго уже въ печати⁽¹⁾, принадлежалъ крестьянину села Тетеринскаго (Нерехтск. уѣзда) Алексѣю Иванову; списокъ съ грамоты Екатерины II-й, подтверждающей права и привилегіи потомковъ Сусанина (доставленъ священникомъ Костровымъ черезъ протоіерея Діева); грамота царя Алексѣя Михайловича Ипатьевскому архимандриту Гермогену 7158 (1650) г. на постройку большой каменной Троицкой церкви въ Ипатьевскомъ монастырѣ, по образцу ярославскаго собора; указъ объ отправленіи отставныхъ стрѣльцовъ для пропитанія въ Ипатьевскій монастырь; указъ Императора Петра I-го о томъ, чтобы ни настоятелю, ни братіи монастыря не выдавать зажилыхъ денегъ впредь до царскаго указа; — грамота патриарха Адриана объ опредѣленіи въ галичскій новозаозерскій монастырь архимандрита Тарасія и о пожалованіи ему (1691 г.) среброкованой шапки (въ ризницѣ Ипатьевской хранится эта шапка); рядъ документовъ, относящихся къ исторіи Сыпанова монастыря, основаннаго недалеко отъ Нерехты однимъ изъ учениковъ Сергія Радонежскаго Пахоміемъ (№№ 124, 140—142, 147—149; 155, 162, 171, 176, 189, 202, 211, 298, 472); нѣсколько грамотъ, относящихся къ исторіи церквей Костромы и Костромской епархіи, именно: грамота патр. Іоакима 7185 (1677) г. о построеніи церкви Пятницы въ г. Вуѣ, грамота моск. митрополита Діонисія Ипатьевскому строителю Гурію о построеніи церковей въ селахъ Вакоринѣ, Прискоковѣ и Яковлевскомъ; патриаршая грамота о поставленіи игумена Корнилія въ архимандрита воздвиженскаго монастыря, подписанная патриархами Филаретомъ и Іоасафомъ; несудимая грамота и проч. Не говоря уже о мѣстномъ значеніи этихъ рукописей, онѣ представляютъ не маловажный

⁽¹⁾ Ср. Росс. Визлѳов. Новикова VII, 128—233.

интересъ и для общей археологіи. Возьмемъ напр. рядъ храмозданныхъ грамотъ, весьма однообразныхъ по своему содержанію: онѣ не только разъясняютъ намъ частную исторію многихъ костромскихъ церквей, но и облегчаютъ рѣшеніе общихъ вопросовъ о формахъ русской религіозной архитектуры въ XVI — XVII вв. и о церквахъ т. н. обыденныхъ, т. е. построенныхъ въ одинъ день. Въ этихъ грамотахъ, составленныхъ въ обычной схемѣ, встрѣчаемъ безусловное запрещеніе со стороны духовной власти сооружать церкви шатровыя. Такъ въ грамотѣ патр. Іоакима 7185 г. читаемъ, что когда въ 185 году староста, посадскій человѣкъ, ударилъ челомъ о построеніи новой церкви во имя Пятницы въ г. Буѣ, вмѣсто сгорѣвшей обыденной ружной церкви, то патріархъ разрѣшилъ такую постройку, однакожь въ грамотѣ замѣтилъ: „а верхъ бы на той церкви былъ не шатровой, и алтарь сдѣланъ круглый тройной, а въ церкви въ олтарной стѣнѣ царскія двери были бы посреди, а по правую сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя. А подлѣ царскихъ дверей по правую сторону поставить образъ Всеилостиваго Спаса и... Святаго храма, а по лѣвую — Богородицы и иныя по чину“. Въ 7178 (1670) году патріархъ Іоасафъ, разрѣшая построеніе въ костромскомъ уѣздѣ въ шацкомъ устьѣ церкви во имя Покрова Пресв. Богородицы, писалъ, чтобы „верхи на церкви и на придѣлахъ были не шатровыя, и олтари дѣлать круглыя тройныя“. Въ 1701 году Стефанъ Яворскій разрѣшилъ построить церковь въ селѣ Бахчинѣ во имя св. Николая Чудотворца, но въ храмозданной грамотѣ по этому поводу писалъ: „а верхъ на той церкви велѣтъ сдѣлать по чину противъ прочихъ деревянныхъ церквей, а не шатровый... алтарь круглый“. Тотъ же митрополитъ въ 1715 г., разрѣшая въ г. Костромѣ построеніе деревянной Покровской церкви, опять присоветовалъ: „а верхъ бы на той церкви сдѣлать по чину противъ прочихъ церквей, а не шатровый“. Выписки эти показываютъ, что въ XVII—XVIII в. духовная власть старалась рѣшительно не допускать построенія шатровыхъ церквей, довольно распространенныхъ у насъ въ XVI столѣтіи. Фактъ достаточно извѣстный, но еще доселѣ не получившій точнаго объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ именно заключалась причина запрещенія сооружать шатровыя церкви? На этотъ вопросъ даются разнообразныя отвѣты, исходящіе иногда отъ соображеній, основанныхъ на фактахъ случайныхъ; между тѣмъ въ самомъ текстѣ приведенныхъ храмозданныхъ гра-

моть находится довольно ясное указаніе на эту причину. Іерархи въ грамотахъ говорятъ, что нужно сооружать храмы не шатровые, а по чину противъ прочихъ церквей, слѣд. шатровые храмы признавались не соответствовавшими церковно-строительному чину, обычному какъ въ православной Греціи, такъ и въ Россіи. Чинъ этотъ требовалъ, чтобы церкви сооружались въ видѣ нѣскольکو удлиненныхъ четверугольниковъ съ одною или тремя апсидами, съ обычнымъ верхомъ, съ одною, тремя или пятью главами, а церкви шатровыя представляли особый типъ, уклоняющійся отъ этого чина. Безъ сомнѣнія, и шатровыя церкви извѣстны были въ древности русской, но онѣ до XVI в., сколько можно судить по историческимъ и археологическимъ даннымъ, не составляли обычнаго явленія; а потому духовная власть, опираясь на древнее преданіе о формахъ церковныхъ сооруженій, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, смотрѣла на нихъ не совсемъ благосклонно и старалась поддерживать обычную традиціонную форму храмовъ.

Оканчивая здѣсь наши замѣчанія о нѣкоторыхъ древностяхъ Ипатьевского монастыря, какъ о важномъ источникѣ археологическаго знанія, позволяемъ себѣ выразить надежду, что онѣ будутъ подробно изслѣдованы и изданы въ интересахъ нашей исторіи.

Профессоръ Н. Покровский.

Перечень снимковъ съ памятниковъ древности Костромскаго Ипатьевского монастыря.

I. Троицкій соборъ съ сѣверо-западной стороны; направо (отъ зрителя) часть колокольни и церкви Рождества Богородицы; налѣво архіерейскій домъ съ церковію свв. Хрисанеа и Даріи. — II. Рис. 1, южныя двери Троицкаго собора, ведущія въ придѣлъ св. Михаила Маленна; рис. 2, западныя двери. — III. Рис. 1, крыльцо Троицкаго собора; рис. 2, церковь Рождества Богородицы, рис. 3, колокольня. — IV. Дворецъ Михаила Феодоровича. — V. Рис. 1 — 2, костяные складни ипатьевской ризницы. — VI. Рис. 1 — 2, шитые воздухи ипатьевской ризницы. — VII. Миниатюры Евангелія 1603 года. — VIII. Рис. 1 — 2, миниатюры ипатьевской лицевой псалтири 1591 года.

ЛИРНИЦІЯ ПѢСНИ.

«Перебендя старий, сѣлий. —
Хто ёго не знае?
Він усюди вештається
Та на кобзі грає».

Кобзарь Т. Шевченка.

Частный слушатель Археологическаго Института И. Ф. Тюменевъ, въ бытность свою въ Подольской губерніи лѣтомъ 1881 года, имѣлъ случай познакомиться съ четырьмя мѣстными лирниками-пѣвцами и записалъ нѣсколько пѣсень, которыя и представилъ въ Археологическій Институтъ вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ о лирникахъ юго-западной полосы Россіи и объ ихъ искусствѣ. Не придавая особеннаго значенія пѣснямъ, записаннымъ г. Тюменевымъ, тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать отъ всей души этотъ опытъ нашего слушателя: не говоря уже о думахъ, даже многія обрядовыя и другія народныя пѣсни, часто представляющія глубокой интересъ по своему содержанию и поэтическому складу, мало по малу вымираютъ, оставалась до поры до времени только въ тихихъ уголкахъ, куда не проникло еще цивилизующее вліяніе городовъ, фабрикъ, солдатчины и т. п. Въ настоящее время какою то грустью и какъ будто ироніей звучать вдохновенныя стихи нашего знаменитаго пѣвца Украины:

„Наша дума, наша пісня
Не вире, не загине . . .“

Уже одно стремленіе сохранить эти безхитростныя думы, эти задушевные пѣсни, само по себѣ представляетъ отрадное явленіе, не только желательное и пріятное, но съ точки зрѣнія науки и необходимое.

Нельзя не пожалеть, что г. Тюменевъ, по собственному его признанію, не знакомъ съ языкомъ того края, пѣсни котораго ему пришлось записывать, вслѣдствіе чего многія слова и выраженія онъ вынужденъ былъ записывать, не всегда понимая ихъ значеніе и смыслъ, просто по слуху. Необходимымъ слѣдствіемъ такого чисто механическаго способа передачи являются тѣ ошибки и погрѣшности, которыя въ записанныхъ пѣсняхъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Нужно впрочемъ принять во вниманіе и то, что языкъ Литинскаго уѣзда Подольской губерніи (гдѣ записаны пѣсни) представляетъ смѣсь малороссійскаго языка съ польскимъ, при чемъ деревни, отстоящія одна отъ другой на разстояніи 10 — 15 верстъ, зачастую совершенно разнятся по нарѣчію. Неудивительно, что пѣсни эти и въ устахъ лириковъ являются уже настолько исковерканными, что сами пѣвцы не понимаютъ значенія многихъ словъ и выраженій изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя они поютъ.

Въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской и Кіевской слѣпые пѣвцы, странствующие изъ села въ село со своими музыкальными инструментами „кобзаями“, называются „кобзарями“, въ Черниговской же — „бандуристами“. Ни одна ярмарка, ни одинъ храмовой праздникъ безъ нихъ не обходится и народъ съ особенною охотою и любовью слушаетъ ихъ по цѣлымъ часамъ. Рѣдкій артистъ оперной труппы пользуется такимъ серьезнымъ вниманіемъ. Взгляните на толпу, собравшуюся вокругъ стараго слѣпого кобзара. Сказать, что толпа эта слушаетъ пѣніе — этого мало: вся эта толпа, какъ одинъ человѣкъ, стоитъ, заставъ дыханіе, боясь проронить хотя одно слово, и впечатлѣнія пѣсни живо отражаются на лицахъ слушателей. Малороссійскія пѣсни, за весьма немногими исключеніями, отличаются грустными напѣвами и вслѣдствіе этого почти всегда можно видѣть слушателей и особенно слушательницъ съ глазами полными слезъ. Впрочемъ репертуаръ пѣсенъ у старыхъ опытныхъ кобзарей до чрезвычайности разнообразенъ.

Профессоръ О. Э. Миллеръ, въ его статьѣ „Малороссійскія думы и кобзарь Остапъ Вересай“⁽¹⁾, говоритъ между прочимъ, что „Вересаю пришлось научиться и нѣкоторымъ шуточнымъ пѣснямъ, не подходящимъ къ его характеру, вѣроятно вслѣдствіе значительнаго упадка къ думамъ“ . . .

¹⁾ Др. и Нов. Рос. 1875 г., кн. IV.

Такое соображеніе едва ли вѣрно: опытный кобзарь, какъ во времена казачества, такъ и теперь, для всякаго случая найдетъ подходящую пѣсню:

„З дівчатами на вигоні —
„Гриця“ та веснянку,
А у шинку з парубками —
„Сербина“, „Шинкарку“;
.....
.....
На базарі — про Лазаря,
Або, щобъ те знали,
Тяжко - важко заспіває,
Як Січ руйнували“.

Смѣло можно сказать, что не было ни одного мало-мальски выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ въ исторіи народа событія, для котораго не нашелся бы свой пѣвецъ. Кобзарскія пѣсни — это исторія народа, вся его многострадальная жизнь съ дикими порывами необузданной воли и разгула и съ воплями тоски и отчаянія. Пѣсни — душа его.

„Думы, — говоритъ О. Э. Миллеръ, — произведенія послѣдняго творчества Украины, воспѣвающія подвиги запорожцевъ въ борьбѣ съ турками и поляками...“⁽¹⁾ „Героизмъ современной дѣйствительности не могъ не свести народнаго творчества на историческую почву и не закрѣпить его на ней окончательно...“⁽²⁾

Прекрасная характеристика русской народной пѣсни, сдѣланная нашимъ поэтомъ писателемъ-археологомъ гр. А. К. Толстымъ, вполне применима и къ малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ: „... Тутъ и тоска безконечная, безнадежная, тутъ и сила непобѣдимая, тутъ и роковая печать судьбы, желѣзное предназначенье, одно изъ основныхъ началъ нашей народности, которымъ можно объяснить многое что въ русской жизни кажется непонятнымъ...“⁽³⁾

(1) Чтеніе проф. О. Э. Миллера (Сборн. Археолог. Инст. кн. III).

(2) Его же — «Малороссійскія думы и кобзарь Остапъ Вересаѣ». (Др. в Нов. Рос. 1875 г., кн. IV).

(3) Князь Серебряный, изд. 1882 г., стр. 15.

Никто конечно и не станеть оспаривать такого важнаго значенія народныхъ пѣсенъ для исторіи и пока эти пѣсни не заглокли, пока есть возможность собрать хотя послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки и сохранить ихъ для исторіи, до тѣхъ поръ всякое стремленіе къ этому должно пользоваться искреннимъ сочувствіемъ.

Дѣйствительный членъ Рагозинъ.

Записаннымъ пѣснямъ г. Тюменевъ предпосылаеть слѣдующій очеркъ:

Лирикъ — всегда слѣпецъ и всегда нищій. Бродя съ своей лирой по селамъ, съ одного престольнаго праздника на другой, онъ поетъ народу свои духовныя пѣсни, и тѣмъ кормится. Незатѣйливо его искусство, не хитеръ складъ его пѣсенъ, но народъ любитъ своего пѣвца и охотно слушаетъ его повѣствованія про Юрья, про Василья, про страсть Христову, — его хвалебныя гимны, его религіозно-покаянныя или аскетическія думы; а иногда тотъ-же лирикъ становится представителемъ и народнаго юмора, заставляя хохотать чуть не до слезъ своихъ слушателей юмористическими созданіями народной поэзіи. Но эти проявленія простодушнаго веселья сравнительно довольно рѣдки; большею частію лирикъ сосредоточенно серьезенъ и пѣсня его либо проникнута религіозной торжественностью, либо щемящей сердце тоскою.

Не сложна и лирицкая наука, но требуетъ большой памяти; впрочемъ, какъ-бы въ возмѣщеніе слѣпоты, природа надѣлила этихъ народныхъ рапсодовъ прекрасною памятью. Рѣдкій изъ нихъ не содержитъ въ головѣ до сотни различныхъ пѣсенъ, которыя, будучи напечатаны, составили-бы довольно объемистую книгу.

Для обученія главнымъ пѣснямъ, составляющимъ основу ихъ репертуара, числомъ въ три-четыре десятка, требуется, по словамъ лириковъ, приблизительно около двухъ лѣтъ. Обыкновенно молодой слѣпецъ, желающій быть лирикомъ, идя въ науку къ опытному пѣвцу, поселяется гдѣ нибудь по близости отъ него, а иногда и въ его домѣ. За обученіе платится известная сумма денегъ по обоюдному соглашенію. Одновременно съ пѣ-

снями ученику преподается и игра на *лирѣ*. Лира или, какъ называется она въ другихъ мѣстностяхъ, *кобза* — есть инструментъ, построенный на тѣхъ-же основаніяхъ какъ и всѣ инструменты смычковой группы. Черезъ весь корпусъ, — какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка, — отъ ящика (А), гдѣ помѣщаются колки, почти вплоть до ручки (Б), натянута три струны (а, б, в). Недалеко отъ ручки, струны эти проходятъ по поверхности гладкаго валика, который поставленъ вертикально и перпендикулярно струнамъ; валикъ, замѣняющій здѣсь смычекъ и смазанный канифолью, для предохраненія отъ порчи, покрытъ полукруглою крышкою (В). Вертя ручку, лирникъ приводитъ въ вращательное движеніе валикъ, который, въ свою очередь, заставляетъ вибрировать плотно лежащія на немъ струны. Нижнія двѣ струны, прилегающія къ бокамъ валика, подстроены въ квинту, которая, какъ на волынкѣ, звучитъ во все продолженіе игры; на третьей-же струнѣ, проходящей по вершинѣ валика, составляющей октаву основного тона, играется небольшая тема мелкими нотами, представляющая собою довольно неразборчивую фигурацію даннаго напѣва. Съ боку этой струны придѣланы колышки, числомъ отъ 8 до 12, — а иногда и болѣе, — на каждомъ изъ нихъ, противъ струны, прикрѣплено по небольшому деревянному перу. Колышки эти свободно двигаются взадъ и впередъ по деревянной дощечкѣ, въ которую они вдѣланы. Вертя валикъ правою рукою, лирникъ, пальцами свободной лѣвой, нажимаютъ нужные ему колышки, подвигая ихъ на струну, причемъ деревянное перо укорачиваетъ ее на подобіе пальца въ скрипичной игрѣ. Какъ только рука отнята, колышекъ, въ силу наклоннаго положенія лиры на колѣняхъ играющаго, снова спадаетъ на прежнее мѣсто, струна-же, подъ давленіемъ другого пера, издаетъ уже слѣдующій звукъ — и т. д. — Игра на лирѣ обыкновенно не сопровождается пѣніемъ самихъ пѣсенъ и звуки ея слышатся лишь въ промежуткахъ между отдѣльными куплетами, или, по выраженію лирниковъ: „пунтами“ пѣсни. Для обученія игрѣ на этомъ инструментѣ учитель связываетъ пальцы своей лѣвой руки съ пальцами лѣвой руки ученика и, играя тотъ или другой напѣвъ, передаетъ ему такимъ образомъ свое искусство. Но игра на лирѣ дается далеко не сразу: молодые лирники въ большинствѣ случаевъ играютъ незavidно.

Лирники обыкновенно не довольствуются репертуаромъ вынесеннымъ ими изъ школы; они постоянно перенимаютъ новыя пѣсни отъ товарищей,

иногда разбивалась пѣсню на пѣсню, иногда-же вознаграждая учителя угощеніемъ въ ближайшей корчмѣ.

Но завѣтный идеалъ всѣхъ лирниковъ составляютъ акафисты. Знаніемъ акафистовъ они гордятся и щеголяютъ имъ. Лирникъ, умѣющій прочитать два-три акафиста, служить уже предметомъ вниманія и даже нѣкоторой зависти со стороны своихъ товарищей. Это происходитъ отчасти по той причинѣ, что акафистъ, будучи длиннѣе и сложнѣе пѣсни, не такъ легко поддается запоминанію, отчасти-же и потому, что онъ болѣе цѣнится слушателями и чтеніе его оплачивается заказчикомъ въ размѣръ 20 коп. и болѣе, тогда какъ за простую пѣсню платится отъ 3-хъ до 5-ти копѣекъ. Чтеніе акафистовъ (которое, по обилію заказовъ не рѣдко исполняется лирникомъ уже у себя дома) имѣетъ цѣлію молитву о здравіи какого нибудь болящаго или за упокой души умершаго, и потому получаетъ характеръ уже нѣкотораго молитвеннаго священнодѣйствія въ родѣ молебна или панихиды. Лирникъ, читающій акафистъ, уже перестаетъ быть простымъ христарадникомъ, и становится чѣмъ-то въ родѣ богомольца за міръ православный. Такимъ образомъ знаніе акафистовъ, улучшая матеріальное состояніе лирника, въ то-же время какъ-бы переводитъ его въ число лицъ, стоящихъ ближе къ церкви, а слѣдовательно имѣющихъ большее значеніе въ сравненіи съ простымъ пѣвцомъ-нищимъ.

Приступая къ изложенію самыхъ пѣсней, прошу снисхожденія къ тѣмъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, которыя, вѣроятно, встрѣтятся въ ихъ редакціи, такъ какъ, не будучи уроженцемъ того края и не вполне знакомый съ мѣстнымъ языкомъ, я былъ принужденъ записывать нѣкоторыя слова и выраженія, не всегда понимая ихъ значеніе и смыслъ, — подѣ часъ даже просто по слуху. Хотя, по возможности, и старался я получить объясненіе непонятныхъ мѣстъ какъ отъ лирниковъ, такъ и отъ мѣстныхъ жителей, но не только эти послѣдніе, но даже, къ сожалѣнію, и пѣвцы не могли дать отвѣта на мои вопросы, такъ какъ зачастую сами не понимали того, что было сказано въ пѣснѣ. Понятно, что при подобномъ механическомъ заучиваніи и передачѣ неясныхъ для пѣвца словъ и выраженій, произношеніе ихъ появлялось уже въ сильно искаженномъ видѣ, а слѣдовательно съ тѣми-же неправильностями и записано мною, такъ какъ я старался только какъ можно точнѣе передать то, что слышалъ, не считая себя доста-

точно компетентнымъ для какихъ-бы то ни было поправокъ или измѣненій.

Лирикъ Викторъ Бегазюкъ, отъ котораго мы слышали сообщаемыя здѣсь пѣсни, (1) ослѣпъ на 5-мъ году отъ рожденія. Учился пѣть у извѣстнаго литинскаго лирика Павла, а потомъ занимался съ войничинскимъ (село близъ Литина) лирикомъ Михайломъ Тымчукомъ. Въ наукѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Акафистовъ еще не знаетъ, хотя и желалъ бы имъ научиться; пѣсенъ помнитъ болѣе 80-ти и кромѣ того знаетъ разныя молитвы. Лиру онъ принесъ отъ Павла, такъ какъ его собственную отобралъ у него по дорогѣ какой-то сельскій староста за то, что пѣвецъ не хотѣлъ поставить ему требуемое око водки (вообще лирики частенько жалуются на притѣсненія со стороны мѣстной сельской администраціи). Бегазюкъ производитъ крайне пріятное впечатлѣніе. Какою-то стариною, какимъ-то поэтическимъ міромъ слѣпой вѣры и твердаго убѣжденія, какою-то мощью и грандіозностью вѣтъ отъ этого слѣпного пѣвца и его незатѣйливыхъ пѣсенъ. — Онъ спѣлъ пѣсни: про Николая, про Лазаря, Сироту, про Иосифа, про Страшный судъ и наконецъ юмористическую пѣсню про Паньщину.

I.

ПРО НИКОЛАЯ.

Moderato.

Напѣвъ:

Большаго бо есть на земли троина; кто хоче собити

запа - тро - на бо о - братить въ Никола - я свята, больно - му есть

(1) Прилагаемые рисунки — лирика Бегазюка и лиры — исполнены слушателемъ Института Ф. Ф. Святловымъ, который снималъ ихъ съ натуры въ то самое время какъ я записывалъ пѣсни. И. Тюменецъ.

NB. Есть еще и другой напѣвъ этой пѣсни, но мнѣ не привелось его слышать.

Вольши ёго есть (1) на земли трона; —
Кто схоче собі за патрона
Ёго обратить в Николая свята:
Вбольшому есть помочникъ сполняти
Въ разумѣ.

Аще бысь потопалъ на морі,
Онъ, прибуде, Николай, вскорѣ;
То такъ и в морці: Святый Николаю,
Ратуи (2) насъ! — заразъ (3) рудъ дае(тъ)
А в помощь.

Онъ ратуе(тъ) насъ з огня и з темници,
Сиротамъ, вдовицамъ
Онъ дае спосб(у) (4), якъ на світі жити,
Тилько его треба (5) просити
А в помощь.

Досыть (6) юже такъ не мало люде
Дознали пресвятого чуда:
Втунувся (7) (7) ему щирымъ сердцемъ (8) помолить, —
Наименьшій чуноу(тъ) (9), сердце не забблить,
Дастъ ему Богъ.

Онъ зведеть съ путія блудящихъ;
Швидко насъ винъ почуветь молящихъ,
Да не упадемъ миждо лютыя волки;
Онъ разженеть противныя (10) полки —
Низгинеть.

Аще бысь а в якои напасти,
Онъ не дастъ, Николай, пропасти.
Хочъ бысь бувъ расу́жденъ на сгубу (11)

Самъ упадетъ напрасникъ в пагубу
Вѣчною.

Сиротамъ онъ есть опикунъ
И в справахъ разнихъ патрономъ.
Та не уважай, хочь нема ему злата,
Тилько-бъ просили Николая Свята
На поміць.

Кормитель онъ е(сть) всему міру
Хто тилько дастъ ему офиру, ⁽¹²⁾
Дастъ способу якъ на світі жити;—
Алчунаго речеть накормити
Завсїгда.

И мы всі преклоняймо главы
Святителю отцу Николаю;
А мы ще будемъ его ублагати, ⁽¹³⁾
Онъ буде насъ всіхъ ратувати
Святнй Николай.

Ой святителю Николае отче,
Ратуй насъ, о всімъ чудїятворца ⁽¹⁴⁾
Рачь (9) Творица за всей мірь ублагати,
Бисъ мы могли в небі прославляти
На вікі віковъ.

(1) Судя по смыслу выраженія, какъ мнѣ объяснилъ его лирикъ, это „естъ“, мнѣ кажется, слѣдуетъ замѣнить славянскимъ отрицаніемъ: „нѣсть“.—(2) Ратуй—спаса.—(3) Заразъ—тогчасъ.—(4) Способа—способъ, умѣнье.—(5) Треба—надо.—(6) Досыть—доселе?—(7) Вступуса—выраженіе совершенно непонятное. Въ словарь «Української (або Югової-Руської) мови» Пискунова встрѣчается слово: втнуть или утнуть, равносильное русскому: сдѣлать, совершить,—но врядъ-ли здѣсь употреблено это слово, хотя, судя по смыслу, значеніе слова „вступуса“ очень близко должно подходитъ къ выраженію втнуть.—(8) Щиримъ сердцемъ—искреннимъ сердцемъ.—(9) Члунокъ—по объясненію лирика, членъ тѣла.—(10) Повторяя пѣсню, лирикъ въ этомъ мѣстѣ пропѣлъ: бѣсовскіе подли.—(11) Сгуба—отъ глагола сгубить,—въ данномъ смыслѣ—казнь.—(12) Офира—жертва, молебень или вообще какая нибудь церковная служба въ честь святаго.—(13) Ублагати—молить, ублажать.—(14) Вѣроятно: чудотворче.

II.

ПРО ЛАЗОРА (Лазарь).

Мелодически строгаго напѣва для Лазаря, въ сущности, не имѣется. Онъ исполняется сплошь речитативно, причѣмъ наблюдаются только извѣстные мелодическіе обороты на концѣ фразы. Исполняется онъ, приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ:

recit.

ЛИРА: Охъ, е - ди - ный чо - ло - вікъ бо - га - тый бу вавъ ко - то - рій въ рос -
кѣ - шахъ і - давъ та вни - - - вавъ, въ до рогахъ оді - я - ні - яхъ прочь про хо - ждавъ.
ЛИРА: Тотъ - то вінъ срѣ - бла, зла - та по до - стат - ку мавъ, на свя - тымъ - я
церк - ви ни - гдѣ не да - вавъ. ЛИРА: Служ - бы бо - жі - нхъ а - ка - фи - стовъ
нигдѣ не наймавъ, свя щен ни ківъ, ду хо вни ківъ въ свой домъ не приймавъ.

Охъ единый чоловікъ богатый бувавъ,
Который въ роскошахъ ідавъ та впивавъ,
Въ дорогихъ одіаніяхъ прочь прохождавъ. ⁽¹⁾
Тотъ-то вінъ ⁽²⁾ сребла, злата по достатку мавъ, ⁽³⁾
На святныя церкви ни гдѣ не дававъ,
Службы божіихъ, акафистовъ ни гдѣ не наймавъ ⁽⁴⁾,
Священниківъ, духовниківъ въ свой домъ не приймавъ,
А нищихъ убогихъ ниць не наделявъ,
Свого брата Лазора за брата не мавъ.

А бувъ (5) собі братъ Лазоръ чловікъ убогій; —
Охъ, не такъ-то вінъ убогій, якъ дуже (6) ббльній.

Лежавъ-же братъ Лазоръ в смердящемъ гною
Передъ братовыми богачовыми ворітьми (7) его.

А ввійшовъ-же братъ Лазоръ прочь за вороті
Війшла за нимъ челядь его препишна рота (8).

А скоро братъ Лазоръ богатыря (9) окомъ повивдавъ
Та до нёго гласомъ завблавъ, горько заплакавъ:

„Ой брате-жъ мій, брате, сильний богачю,

„Подай міні хліба й соли а в гнои смердящу.

„Подай міні хліба й соли, третю вбды,

„Закропившь мои смежні уста й охолди.

„Заплатить тобі Господъ з высового неба,

„Чого твоїй души й тілу найбільшь потреба. (10)

А до нёго братъ богатій такъ одповидае:

„Почему ты мене ріднымъ братомъ та й називуешь?

„Ты лежишь в смердящему гною

„Смердишь гноемъ, якъ той гнилий песъ. —

„Почему ты мене ріднымъ братомъ та й називуешь?

„Не есть ты міні братъ, есть ты — моимъ исомъ,

„Но есть у мене ажъ пять братівъ якъ я одинъ сынъ.“

Плюнувъ братъ богатій на Лазора, самъ пійшовъ в двіръ (11)

Казавъ за собою браму (12) замкнути,

Щобъ отъ свого брата Лазора гласу не чути.

„Ахъ, не боюся Господа Бога, ни его смерти,

„Якъ прїдетъ той часъ, що треба умерти,

„Во есть у мене стожки та оборожки

„Срибни, золоты денежки; (13)

„Есть у мене челядь препишная рота, —

„Не боюся Господа Бога, жадного хлопота. (14)

„До царствія небесного самъ доберуся,

„А всімъ святымъ мучёникамъ не поклонюся.

„Ай Господа найвышчого прочь не боюся,
„Со святыни апостолами в столь посадовлюся.“
Ахъ, не було тамъ в дворі жадной души,
Жадной души до Лазора милостивой,
Тільки було у брата богатыря два лютии пси,
Котори завждь ⁽¹⁵⁾ підъ столь ходили,
Дрибины крышиночки ⁽¹⁶⁾ собирывали,
Которы богатырю изъ усть летили.
Тождь вони Лазору в гной носили;
Тымъ вони ёго душу живили, —
Смертельныи ёго раны солизували,
По легкости души и тілу создавывали.
Начавъ братъ богатый того довидати,
Казавъ слугамъ тии пси з ружжа стріляти,
Щобъ своему брату Лазору жадной помощи не дати.
Тогда больній Лазоръ подивився, ⁽¹⁷⁾
Ставъ Бога молити,
Молитвы святыни слезно творити.
„Господи Боже Спась (Спась ?) Милость Твоя,
„Прійми мою душу съ тіломъ де ⁽¹⁸⁾ милость Твоя.
„Нехай-же я по цимъ ⁽¹⁹⁾ світі не стыкаюсь (?),
„Во вже-жь мене мои братія ридни одцурались.“
Вислухавъ Господь молитву его,
Сославъ з небесъ двоухъ анголовъ по душу его.
Злинуло ⁽²⁰⁾ двоухъ анголовъ з неба стихенько
Взяли святого Лазора барзо ⁽²¹⁾ легенько,
Посадили его в чистої фали ⁽²²⁾ у Господа Бога,
Святого Аврамія, Исакова, Іакова на правомъ троні.
Радуйся Лазору, ты есть в троні,
Твой братъ богатый зостається въ некельному вогни.
Якъ задумавъ братъ богатый на полюванне ⁽²³⁾
На богатырское прогуляние.

Якъ задумавъ знову отъ двіра
Вдарила на нѣго сильна хвороба,
Вдарила на нѣго якъ сіра земля. —
Отъ тобі богатырю за горды слова
Що ты одрикався Господа Бога,
Брата свого, брата Лазора.

Яко стало богатыря объ землю бити
Тогда богачъ догадався Бога молити,
Молятвы святныя вѣрно творити.

„Господи Боже Спась Милость Твоя,
„Вислухай-же молитвы моя.
„Прійми мою душу съ тіломъ з цѣго свѣта,
„Якъ мого брата рідного, брата Лазора“.

Вислухавъ Господь молитву его,
А сославъ трехъ некельныхъ ⁽²⁴⁾ найстаршихъ идоловъ по душу его.

Ще злині, некельныні, найстаршіи идоли в дворъ не дойшли,
Вже богачево сребло й злато прахомъ рознесли.

Приступили до нѣго съ залізнымъ гакомъ ⁽²⁵⁾
А витягли з нѣго душу лівнимъ бокомъ;
А взяли его за ліве ребро. —
— Признайся-жь, богатырю, де-жь твое добро?

Понесли в гору строго високо,
Кинули в некло сильно глибоко,
Теперь богачу хоць откупайся,
Маєшь много: маєшь челядь препишную роту—одбивайся.

До царствія небеснаго самъ добрався,
Всімъ святымъ мученикамъ не поклонявся,
Господа Наивышчаго прочь не боявся,
Со святыми апостолами в столъ посадовлявся.

Плывай богачу по пекли, маєшь широко,
Уздри на небо якъ вопо високо.

Не достанеш еси Бога видѣти,
Видишь брата Лазора; —
Не брата Лазора вравнѣ самого Бога.

Скоро братъ богатый на небо уздривъ,
Такъ до брата до Лазора гласомъ заволавъ,
Горько заплававъ, братомъ его назвавъ.

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору, —
„Чи не могъ-бы ты мнѣ брате цее учинити:

„Свой низильный палець у морі умочити,
„Мои смежны уста закропити.
„Мой печельный вогонь загасити,
„Мой горькій языкъ сахарный охолодити“.

„Не могу-жъ я, мій брате богатый, тое учинити,
„Вожся я Господа гневити.

„Не моя-жъ то, мій брате богатый, не моя воля, —
„Проси собі на помічь Господа Бога.

„Хотай-бы я, мій брате богатый, усе море зпустывъ,
„То-бъ я твоего вогню печельного не угасывъ,
„Горького языка сахарнаго не ухолодивъ“.

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору,
„Одна насъ matka родила,
„Підъ однимъ сердцемъ носила,
„А не одно намъ счастье у Бога упросила.

„Тобі Богъ давъ нѣжное обиство (26),
„А мнѣ Богъ давъ сильное богатство.

„Ты съ своимъ обиствомъ в чистой фали
„А у Господа Бога, святого Аврамія, Исакова, Іакова на правомъ троні.

„Я съ своимъ, брате-жъ мій, богатствомъ .
„Зостався в печельномъ вогни..

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору,
„Чи не могъ-бы ты, мій брате, Бога умолити,

„Що-бъ я могъ на той свѣтъ вѣдти, —
„То-бъ я пророкувавъ,
„То-бъ я сребло-злато на церкви роздавъ,
„Службы Божіи, акафисты то-бъ я наймавъ.
„Священниківъ, духовниківъ в свой домъ прїймавъ,
„А нищихъ убогихъ то-бъ я поднивавъ.
„Свого брата Лазора за брата я мавъ-бы, —
„Есть у мене ажъ пять братівъ я-бъ ихъ научавъ“.

Святій Аврамій такъ одповидавъ:

„Вживай, вживай⁽²⁷⁾, Лазору, якъ тобі Богъ давъ,
„А ты вживай брате богатій, якъ уготовавъ.
„Не треба тамъ на тмъ свѣті живихъ пророківъ —
„Есть тамъ пророчїства, правда, святое письмо,
„Коло того письма есть поучительство:
„Священники, духовники завждъ читають
„А всїхъ христїановъ поучають“.

Аминь, аминь, — такъ намъ Боже дай,
Щобъ мы пїшли з Лазоромъ всї в свѣтлїй рай,
Де анголи, арханголи писни воспївають,
Души христїаньски отъ грїховъ спасають.

(1) Эту пѣсню слыхалъ я еще и отъ другого лирика, Тымчука; Тымчукъ передавалъ нѣкоторыя мѣста въ нѣск. измѣненномъ видѣ, такъ напр. послѣдняя строка перваго пункта выходила у него такъ: «Въ дорогихъ діаментахъ прочь мїръ прохождавъ». Вообще надо замѣтить, что ни одинъ лирикъ не споетъ пѣсни точъ въ точъ какъ другой, у каждого непременно встрѣтятся свои варианты. — (2) вінь — опъ. — (3) мавъ — имѣлъ. — (4) не наймавъ — не нанимавъ, не заказывавъ. — (5) бугъ — былъ. — (6) дуже — очень. — (7) ворітьми — воротами. — (8) пренишна рота, — по объясненію лирика — пышная свита. — (9) Богатырь — богачъ. — (10) навбільшъ потреба — болѣе всего нужно. — (11) двіръ — дворъ. — (12) бража — ворота. — (13) адъсь у Тымчука была опять перемѣна, опъ переставляетъ строки и оканчиваетъ такъ: „... же прїйде умерти «не боюся пана Бога, ни его смерти»; вообще всѣхъ вариантовъ я не записывалъ. — (14) жадного хлопота — никакой заботы. — (15) завждъ — всегда, постоянно. — (16) крышнички — крошки, крупичы. — (17) подивився — посмотрѣлъ. — (18) де — гдѣ. — (19) на цимъ — на семъ, цей — сей. — (20) злынуло — слетѣло. — (21) барво — очень. (22) въ чистой фали — по объясненію лирика — въ чистой хвалѣ, т. е. въ наилучшемъ мѣстѣ рая. (23) полюванне — охота. — (24) некло — адъ, нежелный — адскій. — (25) залізнымъ гакомъ — желзнымъ крюкомъ. — (26) обство, — по словашъ пѣвца — болѣзнь. — (27) вживай, — по толкованію пѣвца — живи.

Вмн. 4-й.

III.

СИРОТА.

Пісня эта пользується особливо популярністю въ средѣ мѣстныхъ женщинъ, которыя не могутъ слушать ее безъ слезъ.

Оч. умѣренно.

Напѣвъ:

Див-на - я - и го - ди - - на на сві - ті на - ста - - ла

ни ед - на - си - ро - - - та безъ мат - ки зо - ста - - - лась.

Дивная година на світі настала, —
Ни една сирота безъ матки осталась.

Зосталися діти безъ рідної матери,
Сироти на вікі будуть бідувати.

Отець жену знайде, буде в парі⁽¹⁾ жити,
А бідны сироты пречь⁽²⁾ пійдуть служити.

Которіи больши, то й пійдуть служити,
Котори маленьки, пропащи на вікі.

А пійшла сирітка по світу блукати⁽³⁾, —
Стритівъ її Господь, ставъ її питати⁽⁴⁾.
— „Куда идешь сирітко?“ — „Мамунцю шувати“⁽⁵⁾,

„Бо вже рікъ⁽⁶⁾ минає, матери не видати.
„Горько міні, тяжко в світі проживати“.

— „Вернися сирітко, — бо⁽⁷⁾ далёко зайдешь, —
„Ты свой мамунці до віку не знайдешь,

„Бо твоя мамунця на вісокій гори,
„А тамъ тіло її спочиває в гробі.“ —

А пішла сирітка на той гробъ ридати,
Ажъ обизвалася⁽⁸⁾ з гробу рідна мати.

„Хто-жъ бо тамъ рїдає на моєму гробі?“ —
— „Сирота, мажунцю, — примить мене къ собі.“

— „Охъ, якъ трудно сонцю од неба одстати,
„Такъ трудно, сирітко, тебе к собі взяти.

„Нема-жъ тутъ, сирітко, ни исти, ни пети,
„Но производивъ Гдесподъ в сирій земли гнити.

„Посипали землю, що я вже не встану,
„Очи засклипили, — я й на світъ не гляну.

„Посипали землю а на мои груди; —
„Увидися, сирітко, на страшному суді.

„Вернися, сирітко, та й иди до дому,
„Нехай чужа мати изміє головку.“ —

— „Волила-бъ я, мамо, в сирій земли гнити
„Нїжъ має чужа мати головочку мити.“ —

Щежъ-бо чужа мати головки не змила,
Вже бідну сирітку здоровья умалїла,
Пійшла до сусїдїв та й ще осудила.

Бо сирота рбїть⁽⁹⁾, работа не за що, —
Мачуха говорить, — сирота ледащо⁽¹⁰⁾.

Бо сирота робить, работа не мила, —
Мачуха говорить, — сирота лїнива.

Бо сирота робить, горько работає, —
Мачуха говорить, — сирота не дбає⁽¹¹⁾.

„Пійшла-бъ ты, сирітко, мачухи просити, —
„Можебъ змилювалася, хочъ сорочку шила“.

— „Волила-бъ я, мамо, на світі не жити,
„Нїжъ має чужа мати сорочочку шити.“

Ще злая мачуха, сорочки не вшила,
Вже бідну сирітку на смерть нарядила.

Охъ, якъ заславъ Господь, двохъ анголовъ з неба,
А взяли сироту до ясного неба.

Якъ будешь сирітко Бога вихваляти,
Буде тебе Господь царствомъ дарувати.

Охъ, якъ заславъ Господь трехъ пекельныхъ з пекла
По злую мачуху и по тілу їи.

А взяли мачуху такъ строго високо,
А бросили в пекло, такъ сильно глибоко.

Ой пливай⁽¹²⁾, мачухо, ще й будешь кипити,
Скаравъ тебе Господь за сироты дити.

Ой кипи, мачухо, ще й будешь пливати,
Було справедливо сиротъ доглядати.

Було-жъ ихъ не бити, а ни катувати⁽¹³⁾,
Коли жись хотіла въ неби царствувати.

„А я-жъ ихъ не била, а ни катувала⁽¹⁴⁾,
„Лихими словами тяжко проклинала.

„Коли-бъ-же я знала, була-бъ доглядала, —
„Може-бъ моя дѹша в небі царствувала.“

Царствує сирітка в небі со святыми,
А злая мачуха в пеклі с проклятыми⁽¹⁵⁾.

(1) в парі — парю, ви́стѣ. — (2) пречъ — прочь, на чужую сторону. — (3) блукати — блуждать. — (4) питати — спрашивать. — (5) шукати — искать. — (6) рікъ — годъ. — (7) бо — ибо. — (8) обивалася — отозвалася. — (9) робить — дѣлаетъ, работаетъ. — (10) ледащо — худая, негодная. — (11) не дбає — не старается. — (12) пливай — по объясненію лирика — плавай. — (13) катувати — мучить. — (14) Здѣсь Тымчукъ, пѣвший міжъ прочимъ и сироту, заставляеть мачуху говорити нѣсколько иначе:

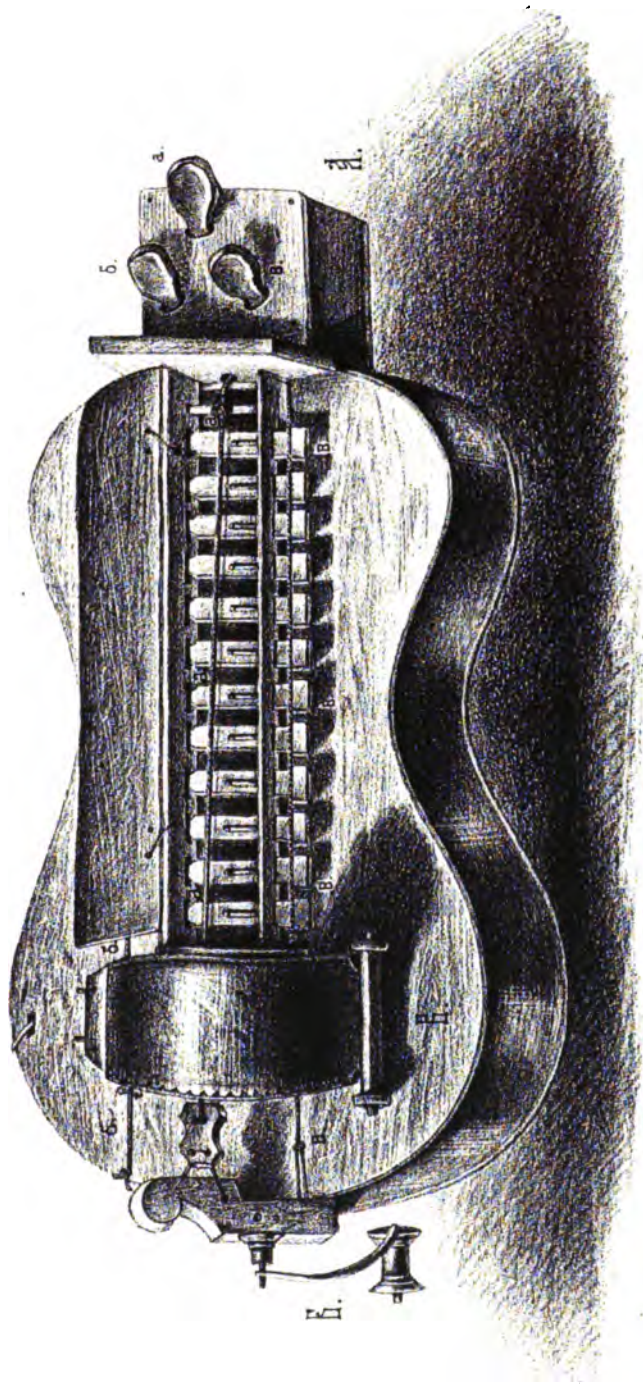
Я-жъ ихъ била и катувала.

(15) Здѣсь въ концѣ Тымчукъ прибавляеть еще слѣдующія двѣ строки:

А на вікі вікомъ, а на вікі вікомъ, —
Той проклатій, хто буде злымъ чоловікомъ.

Ποιητής οὐκ ἔχων ἄλλο σπινθῆρα

Объ одномъ загерійскомъ диргемѣ Мамелюкского султана Вибарса I⁽¹⁾.

Султанъ Вибарсъ I Бахрійской Мамелюкской династїи, котораго серебряную монету мы нажѣрены здѣсь описать, былъ родомъ тюркъ. Полный титулъ его былъ султанъ Эль-Маликъ Эз-Загеръ Рокъ ед-динъ-Вибарсъ (или Вейбарсъ) Эль-Бондовдари. Купленный какъ невольникъ султаномъ Эль-Меликъ Эс-Салихи Неджи-ед-динъ Айюбомъ, онъ вступилъ въ ряды мамелюковъ и, выдвинувшись личными качествами, быстро достигъ званія эмира. Недовольный отказомъ султана Кутуза, у котораго былъ на службѣ, назначить его губернаторомъ Алепа, Вибарсъ составилъ заговоръ эмировъ противъ султана и, затѣмъ, убивъ его, вступилъ самъ на престолъ Египта въ 658 году гижры (1260 по Р. Х.). Уже въ первый годъ своего царствованія, Вибарсъ, пославъ войска свои въ Сирїю противъ монголовъ и нѣкоторыхъ непокорныхъ ему эмировъ, взялъ почти всѣ города ея, кромѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, занятыхъ христїанами. Но въ 664 году онъ отнялъ у франковъ Кесарїю, Арсуфъ, Керкисїю и Сафадъ и изъ Сирїи предпринялъ экспедицію въ Арменїю, гдѣ въ это время, за отсутствїемъ царя Гайтона I, правили государствомъ два сына его. Оба они были разбиты, причѣмъ старшїй Леонъ былъ взятъ въ плѣнъ, а младшїй Фуросъ убитъ и вся Арменїя подверглась страшному опустошенїю. Въ 666 г. Вибарсъ владѣлъ уже Яффою и Антиохїей, но въ 669 г. встрѣтилъ серьезное сопротивленїе

⁽¹⁾ Описываемый здѣсь диргемъ недавно, благодаря содѣйствию А. К. Маркова, поступилъ въ Музей Археологическаго Института. *Прим. редакцїи.*

распространенію своего могущества со стороны англійскаго королевскаго принца Эдуарда, прибывшаго въ Палестину съ тремястами рыцарей. Не останавливавшійся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, Бибарсъ подослалъ къ Эдуарду одного изъ своихъ эмировъ, чтобы тайно его умертвить. Но принцъ во время покушенія былъ только легко раненъ въ руку. Видя, что его планъ не удался, султанъ успѣшилъ заключить съ нимъ и съ королемъ кипрскимъ и іерусалимскимъ Гюгомъ Лузиньяномъ перемиріе на десять лѣтъ десять мѣсяцевъ и десять дней. Въ 674 году Бибарсъ сдѣлалъ экспедицію въ Нубію противъ царя нубійскаго Давида. Эмиръ султана Ак-Сонкоръ, разбивъ нубійцевъ, провозгласилъ царемъ Нубіи племянника Давида, Мешкера⁽¹⁾, обязавъ его выплачивать въ казну султана ежегодно половину своихъ государственныхъ доходовъ. Въ томъ же году Бибарсъ совершилъ опять походъ въ Арменію, которую разорилъ и выжегъ, взявъ въ плѣнъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, истребивъ такое же количество жителей и загнавъ царя Арменіи Леона II въ горы. Скоро однако же Леонъ, соединясь съ Абагомъ, ханомъ монгольскимъ, разбилъ въ свою очередь Бибарса на равнинѣ *Шамель* (?). Но все-таки въ 676 г. Бибарсъ, собравъ свои войска, успѣлъ побѣдить въ свою очередь Абага-хана въ сраженіи при Дамаскѣ или же при Емесѣ. Эта побѣда была послѣднею въ жизни Бибарса. Онъ заболѣлъ въ томъ же году и умеръ въ Дамаскѣ, имѣя болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, какъ говорятъ, печально отравясь ядомъ, приготовленнымъ имъ для эмира Эль-Меликъ Эль-Кагера, военной славы котораго Бибарсъ начиналъ завидовать.

Вотъ краткій конспектъ царствованія этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго султана, бывшаго, по словамъ Макриси, однимъ изъ лучшихъ правителей, властвовавшихъ надъ мусульманами⁽²⁾. Хотя почти вся жизнь Бибарса протекла среди постоянныхъ походовъ и сраженій, тѣмъ не менѣе управленіе имъ Египта ознаменовалось многими полезными для народа гражданскими учрежденіями и постройками, на долго сохранившими въ этой странѣ память о султанѣ Бибарсѣ. При немъ золотоордынскіе ханы завели сношенія съ Египтомъ⁽³⁾,

(1) Или Мешкеда, по Вейлю *Geschichte d. Chal.* I, 93 — 94.

(2) Makrizi, *hist. des sultans Mamlouks* trad. par Quatremère. Paris, 1845, 4°, т. I, ч. II, стр. 155.

(3) См. В. Тизенгаузенъ: *Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой орды*. С.-П.-Б. 1884. 8°, т. I, с. 46, 131, 201, 273 и пр.

не прекращающіяся и при послѣдующихъ султанахъ мамелюкской династїи. Весьма возможно, что рассматриваемая нами въ настоящей статьѣ монета, къ которой мы теперь и обратимся, была занесена въ Россію однимъ изъ многихъ посольствъ, возвращавшихся въ орду изъ Каира. Хотя въ царствованіе Бибарса, обладавшаго такими средствами, какихъ не было ни у кого изъ его предшественниковъ⁽¹⁾, было выбито громадное количество серебряной и золотой монеты⁽²⁾, однако же диргемы его, равно какъ и динары, весьма рѣдки. Знаменитый Тихсенъ признается, что онъ никогда не видѣлъ ни одной монеты Бибарса⁽³⁾. По рецензїи Френа видно, что въ его время въ мюнцъ-кабинетъ Императорской Академіи Наукъ серебряныхъ монетъ Бибарса не было, хотя этотъ мюнцъ-кабинетъ могъ считаться, по богатству отдѣла восточныхъ монетъ, первымъ въ Европѣ⁽⁴⁾. Диргемы Бибарса отсутствуютъ также въ музеѣ Института восточныхъ языковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ⁽⁵⁾. Кромѣ рѣдкости эти диргемы представляютъ еще ту особенность, что, вслѣдствіе небрежной ихъ фабрикаціи, обусловленной, какъ я полагаю; быстротою изготовленія громаднаго количества нужной султану монеты, почти на всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ немногихъ экземплярахъ ихъ سكك выбиты не сполна, а только отчасти, такъ какъ матрица во время удара покрывала собою не весь монетный кружокъ, а только его половину, иногда же и менѣе. Это свойство ихъ весьма затрудняетъ чтеніе легендъ, въ особенности же расположенныхъ вокругъ монеты, которыя почти никогда не выходятъ вполнѣ. По случайному совпаденію обстоятельствъ, на поступившемъ въ мюнцъ-кабинетъ нашего Института диргеми, какъ читатель самъ можетъ убѣдиться изъ прилагаемаго рисунка, типъ и легенды вышли почти цѣликомъ и притомъ прекрасно сохранились. Такъ

⁽¹⁾ Macrizi ed. Quatremère, т. I, ч. I, с. 156.

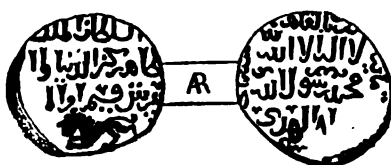
⁽²⁾ Это доказывается громадными количествами серебряной монеты, раздававшейся Бибарсомъ различнымъ лицамъ и городамъ, иногда сразу по сту и по двѣсти тысячъ штукъ. См. Makrizi, того же изд., т. I, ч. I, стр. 139, 149, 181, 205, 209, 236, ч. II, с. 3.

⁽³⁾ Al Macrizi histor. monet. arab. ed. Tychsen Rostochli 1797, стр. 119.

⁽⁴⁾ Frenhii Rec. num. muh. Petrop. 1826, стр. 173 и сл. и с. 629. Монетъ серебряныхъ Бибарса въ этомъ мюнцъ-кабинетѣ также не значится по продолженію Френовой рецензїи Дорна въ Nota suppl. ad recens. num. muh. Petrop. 1855, ч. I, с. 94 и 282.

⁽⁵⁾ Dorn: Inventaire des mon. des khalifes orient. et de plusieurs autres dynasties S.-Petersb. 1884, 2 fasc., стр. 73 и 194.

какъ изданные до сихъ поръ рисунки диргеновъ Вибарса были сдѣланы, насколько мнѣ извѣстно, съ плохихъ экземпляровъ и, къ этому же, весьма не точно, то я и рѣшился издать настоящую монету съ возможной точностью, предпославъ ей описанію историческій очеркъ царствованія Вибарса и затѣмъ сдѣлавъ объясненіе ея типа и легендъ, которыя мнѣ пришлось пополнить на основаніи другихъ извѣстныхъ ея экземпляровъ, воспроизводящихъ, именно вслѣдствіе только частью вышедшихъ легендъ своихъ, обрѣзанныя бортомъ буквы нашего диргема. Вотъ его изображеніе:

(الصالحی)
 السلطان الملك
 [ال]ظاهر ركن الدنيا وال[الدين]
 ببيرس قسيم امير الم[الومنين]
 Внизу идущій влѣво левъ.
 (Эс-Салихи).
 Султанъ Царь.
 Видный ⁽¹⁾, столпъ міра и вѣры.
 Бибарсъ, соучастникъ повелителя
 правовѣрныхъ.

ضرب بالقاهره
 لا اله الا الله
 محمد رسول الله
 [ارسله] بالهدى
 [كتبه]

Нѣтъ божества кромѣ Бога
 Мухаммедъ посолъ Бога.
 Онъ послалъ его съ истиннымъ на-
 правленіемъ.
 Вокругъ: Бить въ Камрѣ въ году
 шестьсотъ шестьдесятъ (?) первомъ.

الصالحی. Я добавилъ это слово, такъ какъ оно находится на всѣхъ диргемахъ Вибарса, на которыхъ отпечаталась верхняя часть матрицы ⁽²⁾, что можетъ случится только въ томъ случаѣ, когда вся нижняя строка легенды и изображеніе льва не попали на монетный кружокъ, слишкомъ ма-

⁽¹⁾ Въ смыслѣ spectabilis, βλεπτός.

⁽²⁾ См. O. Coedrigton: On a Hoard of coins found at Broach. Bombay 1882. 8°, стр. 26 № 26 (отд. отгнокъ изъ Bombay Branch Royal Asiat. Society's Journal 1882 vol. XV, стр. 339 — 370) а также у Петрашевскаго: Numi muham. Berol. 1843, таб. I № 10, гдѣ видно начало слова Эс-Салихи ...الصالحی, хотя Петрашевскій при описаніи монеты на стр. 5 пропустилъ его.

ный для всей матрицы. Эс-салихи был одним из почетных титулов Бибарса, принявшего его в воспоминание о бывшем своем патроне Эль-Меликэ Эл-Салихи⁽¹⁾, самое же слово это составляет обыкновенное явление в арабском языке, когда отглагольное прилагательное, образуя в свою очередь прилагательное относительное, дѣлается собственным именем или прозвищем известного лица, что особенно часто имѣло мѣсто в столь многочисленных почетных титулахъ египетскихъ султановъ⁽²⁾.

السلطان. Эпитетъ султана былъ постояннымъ титуломъ всѣхъ повелителей Египта, царствовавшихъ послѣ послѣдняго фатимидскаго халифа Адгадъ-Ли-дин-Иллаха, визирь котораго Салах-ед-динъ лишилъ званія халифа, принятаго первымъ фатимидомъ Моиззомъ-Лидин-Иллахомъ, и велѣлъ на хотбѣ (эктиньѣ) признавать халифомъ только Багдадскихъ Аббасидовъ, которые всегда пользовались этимъ титуломъ. Мамелюки же какъ преемники Айюбидовъ, приняли со властью ихъ и обычный титулъ султановъ. Начертаніе слова султана на этомъ диргеѣ представляетъ одну палеографическую особенность — букву *синз*, изображенную безъ, свойственныхъ ей, трехъ зубцевъ одною прямою линіею на подобіе той формы, какая придается *сину* въ позднѣйшемъ персидскомъ почеркѣ *таликтъ*, хотя здѣсь мы видимъ всѣ легенды, писанныя почеркомъ *несхи*, въ которомъ такая форма *сина* обыкновенно не встрѣчается.

الملك الظاهر. Макризи говоритъ⁽³⁾, что когда Бибарсъ вступилъ на престолъ, то припалъ сначала почетное прозвище *الملك الظاهر* (побѣдоносный царь), но затѣмъ черезъ два дня измѣнилъ его на *الملك الظاهر* по совѣту визиря Зейнъ-ед-динъ-Якуба, сказавшаго ему, что ни одинъ изъ царей, носившихъ титулъ Кагера, не имѣлъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ.

ركن الدنيا والدين. Прозвище (لقب) Бибарса было Рокнъ-ед-динъ, но здѣсь вставлены слова *الدنيا و* можетъ быть потому, что въ томъ-же самомъ 661 году, въ которомъ, повидимому, бита наша монета, фиктивный халифъ изъ рода Аббасидовъ Абуль-Аббасъ-Ахмедъ, принятый Бибарсомъ въ Каирѣ и признанный имъ 39 халифомъ, назвалъ его въ хотбѣ *زکن*

(1) Эн-Новейри у В. Тизенгаузена о. з. с., т. I, с. 131 и 132.

(2) S. de Sacy. Gramm. arabe, т. I, с. 246.

(3) Quatremère а. а. о., т. I, ч. I, с. 116 и сл.

الدنيا والدين. Впрочемъ у мамелюкскихъ султановъ было въ обычаѣ къ прозвищамъ своимъ, если въ нихъ входило существительное الدين, прибавлять еще передъ нимъ слова الدنيا والدين. Такъ мы видимъ султана Калауна, котораго звали Сейфъ-ед-динъ въ официальныхъ бумагахъ и на монетахъ названнаго سيف الدنيا والدين⁽¹⁾. Султанъ Насръ-ед-динъ Мухаммедъ писался на монетахъ ناصر الدنيا والدين⁽²⁾, султанъ Хусамъ-ед-динъ-Ладжинъ на монетахъ именуется حسام الدنيا والدين⁽³⁾, Измаиль Эс-салехъ Имадъ-ед-динъ называется на монетахъ عباد الدنيا والدين⁽⁴⁾ и т. д.

بيبرس قسيم امير المومنين. Вибарсъ во время своего царствованія присягалъ въ вѣрности двумъ претендентамъ на престолъ багдадскихъ халифовъ, которыхъ признавалъ верховными владыками всего мусульманскаго міра. Первый изъ нихъ былъ Имамъ Абу-ль-Мостансеръ-Биллахъ Абу-ль-Касимъ Ахмедъ-Бенъ-Загеръ, явившійся въ Каиръ въ 659 г. гиджры послѣ убіенія халифа Мостасима и ниспроверженія багдадскаго халифата ханомъ монгольскимъ Гулагу. Вибарсъ, признавъ Абу-ль-Касима халифомъ, оказалъ ему всевозможныя почести и принялъ отъ него инвентитуру султанства надъ Египтомъ⁽⁵⁾, при чемъ велѣлъ помѣстить на монетахъ своихъ имя Абу-ль-Касима рядомъ съ своимъ⁽⁶⁾. Эти монеты, какъ золотыя, такъ и серебряныя, дошли до насъ. Онѣ имѣютъ на лицевой сторонѣ легенду: الامام المستنصر بالله ابو القسيم احمد بن الامام الظاهر امير المومنين, а на оборотѣ полное имя Вибарса съ прибавкою словъ قسيم امير المومنين. Второй претендентъ на халифатъ по имени Имамъ-Эль-Хакимъ-Би-Амр-Иллахъ-Абу-ль-Аббасъ-Ахмедъ, прибылъ въ Каиръ въ 661 г. гидж., прося поддержки у Вибарса. Этотъ новый халифъ спасся случайно при пораженіи своего предшественника Абу-ль-Касима-Ахмеда, у котораго онъ служилъ эмиромъ, войсками Гулагу въ 660 году. Послѣ этого сраженія Абу-ль-Касимъ пропалъ безъ вѣсти, а Абу-ль-Аббасъ сдѣлался единственнымъ претендентомъ на халифатъ. Вибарсъ немедленно принесъ ему присягу въ вѣрности со всѣми своими сановниками,

(1) lb., т. II, ч. I, с. 172 и на мон. Codrington a. a. o., стр. 3.

(2) Pietraszewski a. a. o., стр. 8 — 15 и 17.

(3) lb., стр. 9.

(4) lb., стр. 18.

(5) Quatremère, т. I, ч. I, с. 150.

(6) lb., т. I, ч. I, с. 148.

а халифъ утвердилъ его во власти надъ правовѣрными. Мы также имѣемъ его диргеми⁽¹⁾ съ легендой на лицевой сторонѣ **الامام الحاكم بامر الله ابو العباس احمد** и полнымъ именемъ Бибарса на реверсѣ съ прибавкою обычныхъ словъ: Бибарсъ соучастникъ повелителя правовѣрныхъ. Но на нѣкоторыхъ монетахъ Бибарса, какъ напр. на нашей, имя и титулъ халифа замѣнены суннитскимъ символомъ. Поэтому можно только на основаніи года, въ которомъ чеканены такія монеты, если онъ сохранился на поляхъ ихъ, узнать къ какому изъ двухъ халифовъ относится слово **قسيم**. Такъ какъ на описанномъ нами диргеми можно предположить только два года 761 или 771, смотря потому какъ возстановить полустертое число, означающее десятки ... **س** въ **ستين** или же въ **سبعين**, то, въ виду того, что уже въ 660 году халифъ Абу-ль-Касимъ погибъ, слѣдуетъ отнести чеканъ этого диргема къ халифу Эль-Хакиму-Би-Анр-Иллахъ-Абу-ль-Аббасъ-Ахмеду, соучастникомъ котораго и называетъ себя здѣсь Бибарсъ. Это выраженіе⁽²⁾ мы видимъ въ употребленіи и у другихъ мамелюкскихъ султановъ въ ихъ мирныхъ договорахъ⁽³⁾ и на монетахъ, что происходило конечно оттого, что мамелюкскіе султаны всегда держали сторону преемниковъ Багдадскихъ халифовъ. Надъ буквою **сим** въ словѣ **قسيم**, начертанною совершенно такъ же какъ и въ словѣ **السلطان**, находится знакъ **~**, повторяющійся затѣмъ надъ словомъ **ببیرس** и на оборотѣ дважды надъ словомъ **بالهدى**. Слѣды его замѣтны также надъ **симомъ** въ титулѣ **السلطان**. Этотъ знакъ есть не что иное какъ **مهلة** (мугмиле), употребляющійся въ арабскомъ письмѣ для отличія буквъ, имѣющихъ діакритическія точки, отъ не имѣющихъ ихъ, надъ которыми мугмиле обыкновенно и ставится. Весьма часто онъ такъ украшенъ ара-

(1) Petraszewski a. a. o. s. 6 №№ 10 — 13. При описаніи № 12 у Петрашевскаго не вѣрно передана легенда реверса **الحاکم بامر الله** вм. **الخاهر بامر الله**.

(2) Петрашевскій въ своемъ сочиненіи (passim) не вѣрно переводитъ выраженіе **قسيم** словомъ **amicus**. **قسيم** буквально означаетъ человѣка раздѣляющаго съ кѣмъ либо другимъ преемство одной общей цѣли — **cum alio dividens rem**, см. Freitag Lex. arab. — lat. ed. mai. Halis 1835.

(3) Такъ въ договорѣ съ принцессою Тирскою султана Калауна онъ названъ **قسيم امير** **الومنين** см. Appendice въ изд. Макризи Катремера, т. II, ч. I, с. 172.

бесками, что легко принимается лицами, описывающими монеты, за простое украшение, а потому опускается при транскрипции легендъ, хотя для арабской палеографіи онъ, какъ особенность почерка несхи, прямо противоположнаго въ этомъ кувфическому, по крайней мѣрѣ употребляемому на монетахъ, неизмѣющему даже діакритическихъ точекъ, представляетъ нѣкоторый интересъ. Нижняя часть монеты нашей занята изображеніемъ идущаго влѣво льва. Намъ извѣстно по свидѣтельству Макризи (1), что Вибарсъ „помѣстилъ гербъ свой на диргеми, а гербъ этотъ былъ изображеніе льва“. Этотъ историкъ не объясняетъ причины, по которой Вибарсъ избралъ своимъ гербомъ, или лучше сказать, своимъ ранкомъ (2) это животное, являвшееся какъ его отличительный знакъ не только на его динарахъ, диргемахъ и фельсахъ, но также на мостахъ, аркахъ, башняхъ и прочихъ зданіяхъ построенныхъ Вибарсомъ (3).

Оборотная сторона нашей монеты представляетъ обычный на оборотъ мамлюкскихъ султановъ суннитскій символъ. На нѣкоторыхъ монетахъ напр. на динарахъ Калауна онъ продолженъ до словъ *دين الحق* по здѣсь обрывается за недостаткомъ мѣста на словъ *بالهدى*.

Вѣсъ этого диргема равняется 2,550 грамм., слѣдовательно на 283 грамма мѣнѣ вычисленнаго Васкесомъ Куейпо нормальнаго вѣса арабскаго диргема, равнявшагося 2,833 граммамъ (4). Качество серебра вполне удовлетворительно, на сколько можно судить о немъ по цвѣту и вѣсу,

(1) جعل رنكه على الدرهم وهو صورة سبع. Al-Makrizi historia monetae arabicae ed. Tychsen, Rostochii 1797. с. 40.

(2) Слово *ранкъ* (رنك), значеніе котораго еще не понимали знаменитые Казири и Тихсенъ (см. Al-Makrizi ed. Tychsen, с. 119 прим., 61), при современномъ состояніи арабской лексикографіи получило уже вполне опредѣленный смыслъ. Слово это персидскаго происхожденія

(رنك = цвѣтъ откуда араб. رنك ми. رنوك) и въ мухаммеданской геральдикѣ опредѣляетъ всякій отличительный знакъ, присвоенный какому либо частному лицу или даже цѣлому роду, будетъ ли это извѣстный цвѣтъ или символическая фигура или же изображеніе какаго либо животного, см. нр. 12 къ с. 14 ч. I т. II изд. Макризи Катренера, а также статью E. Th. Rogers'a: Das Wappwesen d. muhammed. Fürsten in Egypten u. Syrien въ Vierteljahrshr. für Heraldik, Sphragistik u. Genealogie redig. von Hildebrandt, XI Jahrg. Heft. IV (1883) стр. 408 — 430. Эта же статья на французскомъ языкѣ была напечатана въ Bulletin de l'institut Egyptien (Caire 1880) подъ заглавіемъ: Le blason chez les princes musulmans de l'Egypte et de la Syrie.

(3) Rogers ad a. о. въ Vierteljahrshr., с. 430 и сл.

(4) V. Queipo: Systemes monetaires des anciens peuples, т. II, с. 133.

что впрочем вполне соответствует блестящему финансовому положению Египта въ эпоху царствованія Вибарса, а также прямому свидѣтельству Макризи, что этотъ султанъ „билъ загерскіе диргемы и установилъ, чтобы на каждую сотню ихъ шло семьдесятъ диргемовъ чистаго серебра и тридцать диргемовъ красной мѣди“ (1). Эти загерійскіе диргемы, по словамъ Эль-Макризи, были одно время въ обращеніи вмѣстѣ съ насирійскими диргемами, объ изыятіи изъ обращенія которыхъ Вибарса просили арендаторы его монетнаго двора (2). Но въ другомъ своемъ сочиненіи тотъ-же авторъ рассказываетъ намъ о насирійскихъ диргемахъ слѣдующее: „Впослѣдствіи, когда воцарился султанъ Салахъ-ед-динъ послѣ смерти Эль-Меликъ-Эль-Адель-Нуръ-ед-дина, то онъ повелѣлъ въ (мѣсяцѣ) Шеваль 583 года признать неизмѣющимися курса египетскія монеты и сталъ бить динары изъ египетскаго золота, а также велѣлъ признать изыатыми изъ обращенія старыя (буквально *черныя*) диргемы и сталъ бить насирійскіе диргемы (3), установивъ ихъ на половину изъ чистаго серебра и на половину изъ красной мѣди. Они обращались въ Сиріи и въ Египтѣ до тѣхъ поръ пока Эль-Меликъ, Эль-Камель, Насръ-ед-динъ-Мухаммедъ-бень-Эль-Адель, Абу-Бекръ-Мухаммедъ-бень-Айюбъ не велѣлъ ихъ признать недѣйствительными, приказавъ въ (мѣсяцѣ) Дзюль-Каде 622 года чеканить круглыя диргемы (4). Онъ принялъ мѣры, чтобы народъ не употреблялъ болѣе египетскихъ старыхъ диргемовъ, которые извѣстны въ Каирѣ и Александріи подъ названіемъ уараконъ, и установилъ камелійскіе диргемы изъ трехъ третей, т. е. изъ двухъ третей чистаго серебра и одной трети красной мѣди, и они обращались въ Египтѣ и Сиріи во все время царствованія Айюбидовъ, но когда послѣдніе погибли и послѣ нихъ вступили на престолъ ихъ турецкіе Мамелюки, то послѣдніе оставили въ обращеніи типы своихъ предшественниковъ и, подражая имъ въ образѣ жизни, приняли ихъ монету въ точномъ ея видѣ

ضرب دراهم ظاهرية وجعلها كل مائة درهم من سبعين درهما فضة خالصة (1)
 وثلاثين نحاسا Al-Makrizi ed. Tychsen, стр. 40.

(2) Quatremère, т. I, ч. I, с. 233.

(3) Такъ какъ титулъ Саладина былъ Эль-Меликъ Эн-Насеръ.

(4) То есть имѣющіе легенды, расположенныя вокругъ поля.

по той причинѣ, что гордились именами Айюбидовъ“⁽¹⁾. Отсюда видно, что насирійскіе диргеми были замѣнены камелійскими еще задолго до появленія загерійскихъ. Весьма трудно объяснить здѣсь это противорѣчіе Макризи самому собѣ, у котораго, впрочемъ, такія несообразности встрѣчаются довольно часто.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

С.-Петербургъ, 1885 г.

ثم لما استبد السلطان صلاح الدين بعد موت الملك العدل نور الدين¹⁾ امر في شوال سنة ثلاث وثمانين وخمسةماية بان يبطل نقود مصر وضرب الدينار ذعبا مصريا و ابطل الدرهم الاسود وضرب الدراهم الناصرية وجعلها من فضة خالصة و من نحاس نصفين بالسواء فاستمر ذلك بمصر والشام الى ان ابطل الملك الكامل ناصر الدين محمد بن العادل ابي بكر محمد بن ايوب الدراهم الناصرية وامر في ذي القعدة من سنة اثنتي وعشرين وستماية بضرب دراهم مستديرة وتقدم انه لا يتعامل الناس بدراهم المصرية العتق وهي التي تعرف في مصر والاسكندرية بالورق وجعل الدرهم الكاملى ثلاثة اثلاث ثلثيه من فضة خالصة وثلثه من نحاس فاستمر ذلك بمصر والشام مدة ايام ملوك بنى ايوب فلما انقرضوا وقامت مماليتهم الاترك من بعدهم ابقوا ساير شعارهم واقتدوا بهم في جميع احوالهم واقروا نقدهم على حاله من اجل انهم كانوا يفخرون بالاسما اليهم

Al Makrisi ed. Tychsen, стр. 38 и слѣд.

Памятники художественной археологии на академической выставкѣ 1885 г.

За границей устраиваются спеціальныя архитектурныя выставки съ цѣлью наглядно и возможно полнѣе познакомиться съ исторіей національнаго строительнаго искусства. Напр. въ Единбургѣ, въ Королевской Академіи, въ январѣ 1883 г. состоялась исключительно архитектурная выставка больше чѣмъ 1,200 моделей, плановъ и чертежей, изображающихъ старинныя Единбургскія зданія и знаменитыя церкви, замки и другія постройки въ Шотландіи. Въ Брюсселѣ, въ дворцѣ изящныхъ искусствъ, въ сентябрѣ того же года, подобная выставка содержала въ себѣ рисунки, эскизы и планы зданій, проектированныхъ и построенныхъ въ теченіи больше чѣмъ 300 лѣтъ. У насъ въ Россіи подобныя выставки — дѣло будущаго. Къ нашей публикѣ начинаетъ прививаться вкусъ къ иллюстраціямъ, но свѣдѣнія объ исторіи искусства, о значеніи памятниковъ прошлаго до сихъ поръ распространены такъ слабо, что художественно-археологическая выставка можетъ рассчитывать лишь на самый малочисленный кругъ специалистовъ. Публикѣ, едва знакомой съ азбукой общей исторіи искусства, будутъ непонятны разсужденія о памятникѣ, красоты котораго открываются лишь при знакомствѣ съ его эпохой, при знаніи данныхъ, соединяющихъ насъ съ этой эпохой. Съ другой стороны, мѣшаетъ дѣлу и бѣдность въ специалистахъ. Археологическое знаніе доселѣ является у насъ придаткомъ наукъ историческихъ и филологическихъ. Не только художественной археологіи, какъ самостоятельной науки, у насъ до сихъ поръ не существуетъ, но даже исторія искусства, введенная въ программу университетскаго образованія

болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ проявляетъ лишь едва чувствительные признаки жизни, и труды г. Вышеславцева („Искусство Италіи“) и г. Фрикена („Катакомбы“) являются первыми опытами самостоятельной работы на широкомъ полѣ исторіи европейскаго искусства. Къ тому же, дѣло изслѣдованія памятниковъ нашего зодчества требуетъ не только любителя, но художника-спеціалиста, хорошо знакомаго съ исторіей искусства, требуетъ великаго знанія, которое прибрѣтается годовыми упорными занятіями, путешествіями по разнымъ угламъ и краямъ Россіи, наконецъ требуетъ значительныхъ затратъ.

Къ сожалѣнію, у насъ такихъ спеціалистовъ, покойныхъ и современныхъ живыхъ, весьма не много: Горностаевъ, Даль, Леоновъ, Веселовскій, Прохоровъ В. А., Султановъ, Павлиновъ, Сусловъ. Они занесли, зачертили въ свои альбомы рисунки и эскизы съ древнихъ нашихъ построекъ, по преимуществу въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Владимірской, Ярославской, Олонецкой, Псковской, Нижегородской, Казанской, Архангельской, Виленской, Гродненской, Полтавской, Петербургской, Курляндской, Минской, Виленской.

Академія художествъ, выставя въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 г. на показъ труды изъ послѣднихъ археологическихъ путешествій Павлинова и Сулова, имѣла, конечно своей задачей дать не только пособіе для учащихся въ своихъ стѣнахъ и для работъ вообще молодыхъ художниковъ-архитекторовъ, но и познакомить публику съ памятниками нашего стариннаго самобытнаго зодчества. За послѣднее время, благодаря настойчивымъ трудамъ любителей-спеціалистовъ древняго русскаго искусства, у насъ сильно заговорили о его самостоятельности, стали соглашаться съ тѣмъ, что русское искусство въ своихъ древнихъ образцахъ имѣетъ великія основы и въ силахъ отвѣчать эстетическимъ мировымъ законамъ. Явленіе — безспорно отрадное. Отчасти для выясненія самобытности русскаго искусства, отчасти дорожа быстро и безслѣдно исчезающими памятниками нашей художественной старины, мы намѣрены представить краткій отчетъ о цѣнныхъ вкладахъ Павлинова и Сулова въ исторію нашего національнаго искусства. Оба они, по порученію Академіи художествъ, въ послѣдніе два-три года путешествовали по Россіи съ цѣлью изслѣдованія памятниковъ нашего зодчества.

Академикъ Павлиновъ представилъ планы, фасады, эскизы и рисунки:

1) въ Московской губерніи церковей Николая Чудотв. въ Хамовникахъ, Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, Рождества Христова въ селѣ Измайловѣ, Покрова Пресв. Богородицы въ с. Медвѣдковѣ, входа въ терема со Спасской площади въ Московскомъ дворцѣ, дворцоваго балкона царевны Софіи. 2) Владимірской губ.: рисунки орнаментовъ и креста съ Успенскаго собора, Благовѣщенскаго монастырскаго храма въ Муромѣ. 3) Ярославской: церковей Іоанна Предтечи, Ильи пророка, Николы Мокраго, Николы-Надѣвской въ Ярославлѣ, Іоанна богослова, Воскресенія Христова въ Ростовѣ, Ростовскаго Кремля. 4) Псковской: церковей Варваринской, Печерскаго монастыря, св. Георгія, Преображенія Господня въ Спасо-Мироносицкомъ монастырѣ, основанной въ 1156 г., Іоанно-предтеченскаго монастыря, звонницы церкви Богоявленія во Псковѣ, Успенской въ Опочкѣ, Казанской въ селѣ Михѣевѣ, Варлаамской въ селѣ Стехновѣ, окна Псковской Палаты Меньшикова. 5) Въ Полтавской: Успенской въ гор. Переяславлѣ. 6) Въ Черниговской: Спасо-преображенскаго собора. 7) Въ Петербургской: церкви св. Георгія въ Ладогѣ и 8) Курляндской: церкви св. Духа въ Якобштадтѣ. Изъ этихъ работъ г. Павлиновымъ выставлены въ Академіи: 1) сѣнь надъ престоломъ въ церквахъ Ильинской и Николо-Надѣвской, 2) царское мѣсто въ Николо-мокринской церкви, XVII стол., церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, церковь Іоанна Богослова, бывшаго архіерейскаго дома, въ Ростовѣ, 3) Варваринская церковь 1618 г., св. ворота Печерскаго монастыря, во Псковѣ, 4) св. ворота Ризположенскаго монастыря въ Суздаль; Успенскаго собора во Владимірѣ, 12 вѣка, 5) планъ башни церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ и 6) крестъ Успенскаго собора во Владимірѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *Крестъ Владимірскаго Успенскаго собора*. Крестъ этотъ 15 января 1882 г. отъ сильной бури свалился на землю. Онъ имѣетъ остовъ желѣзный, а сверху обложенъ красной мѣдью, изъ которой вырѣзаны и всѣ ажурные орнаменты. Относится онъ къ XII в.

Ростовскій архіерейскій домъ окруженъ каменной стѣной, имѣетъ видъ крѣпости; верхняя часть стѣны образуетъ крытую галлерею. Стѣну эту прорѣзываютъ много башенъ и церковей. Среди западной стѣны Кремля возвышается церковь Іоанна Богослова, существовавшая съ древнѣйшаго времени Ростовскаго княжества. Такъ Кирилловская лѣтопись подъ 1231 г. указываетъ на перенесеніе мощей св. Леонтія изъ этой церкви въ соборную.

Тутъ же была и Іоанновская обитель, гдѣ въ 1288 году игумень Тарасій поставленъ епископомъ Ростовскимъ. Нынѣ существующая церковь построена и росписана митрополитомъ Іоною. Въ ней видѣсто иконостаса — каменная стѣна.

На выставкѣ особенное вниманіе обратили на себя работы г. Сулова. Его поѣздки въ послѣдніе два года по окраинамъ нашего сѣвера значительно освѣтили исторію русскаго зодчества, показали намъ, какимъ замѣчательнымъ художникомъ былъ русскій мастеръ. Рисунки церквей: соборной въ городѣ Шенкурскѣ, крайне интересной по плану, св. Троицы въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ., Успенской на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ, Владимірской Божіей Матери на Вѣлослудскомъ погостѣ, Сольвычегодскаго уѣзда Вологод. губ., сняты Суловымъ, какъ образцы хорошей постройки, свидѣтельствуютъ о богатыхъ задаткахъ нашего самобитнаго деревяннаго зодчества въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, по Двинѣ и Поморью, гдѣ, какъ мѣстностяхъ лѣсистыхъ, каменная архитектура мало распространялась. Деревянная архитектура у насъ мало изслѣдована, а между тѣмъ она, доходя до хорошихъ образчиковъ, часто служила каменной архитектурѣ; и потому, для уясненія всего хода русскаго зодчества, г. Суловъ старался опредѣлить связь этихъ двухъ родовъ искусства. Вотъ краткій историческій обзоръ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе памятниковъ на окраинахъ нашего сѣвера. Уже въ 1147 г. преподобн. Герасимъ нашель въ Вологдѣ посады и церкви. Архитектурныя постройки воздвигались отчасти христіанскими проповѣдниками и миссіонерами, распространявшими въ край христіанство, отчасти же въ видахъ промышленныхъ и торговыхъ. На первые шаги мѣстной архитектуры вліяли прежде всего и сильнѣе всего Новгородцы по чисто историческимъ условіямъ. До XV в. мѣстное искусство шло своей дорогой, развивалось вполнѣ самостоятельно до тѣхъ поръ, пока Москва не перетянула къ себѣ лучшихъ и первоклассныхъ мастеровъ новгородскихъ. Съ тѣхъ поръ мѣстное зодчество, лишенное своихъ лучшихъ силъ, усвоило себѣ шаблонныя формы и на нихъ остановилось. Новгородскіе же мастера, по приходѣ въ Москву, сейчасъ же пригѣнили формы и украшенія деревянныхъ построекъ къ каменной архитектурѣ, которая и развивалась довольно быстро.

Наиболѣе общій типъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей и ихъ частей

будетъ такой: церкви Вельскаго уѣзда (Ильинская церковь въ селѣ Ростовскомъ) Вологодской губ. имѣютъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующее расположеніе: на западной сторонѣ расположена лѣстница однимъ или двумя маршами, при чемъ одной стороною примыкаетъ къ стѣнѣ, а другая остается открытой. Самый входъ (рундукъ) покрывался односкатной, двухскатной, четырехскатной крышкой. По лѣстницѣ входили въ *трапезную*—большое помѣщеніе, освѣщенное однимъ большимъ или нѣсколькими волоковыми окнами, съ скамьями. Въ ней въ большіе праздники происходили народныя пиры въ *кладчину* (братчина), а по буднимъ днямъ здѣсь священники бесѣдовали съ народомъ объ его общественныхъ и мірскихъ дѣлахъ. Изъ трапезной имѣлся выходъ на особую галерейку, съ которой священникъ кропилъ св. водой скотъ, приводимый крестьянами въ день св. Георгія. Изъ трапезной же, на восточной сторонѣ, былъ входъ въ самую церковь—квадратное или восьмиугольное помѣщеніе. Освѣщались окнами больше съ южной, чѣмъ съ северной стороны, вѣроятно во избѣжаніе рѣзкихъ вѣтровъ. Алтарь, по большей части о пяти стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвенника. Въ прямоугольный срубъ церкви врубался восьмерикъ, на немъ былъ другой меньшаго діаметра и послѣдній увѣнчивался куполомъ съ главкой. Нѣсколько сѣвернѣе, ближе къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной болѣе развитый типъ церкви (рисунокъ Шенкурскаго собора). Планъ имѣетъ видъ креста, и прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высокій осьмерикъ, увѣнчанный конусообразнымъ, закругленнымъ у основанія шатромъ, или шатеръ былъ восьмигранный.

Подвигаясь къ берегамъ р. Двины, видимъ типъ плана восьмиугольника, къ сторонамъ котораго постепенно дѣлались прирубы, такъ что получался новый видъ креста. Пріемъ такого плана представляетъ церковь Вологод. губ. Тотемскаго уѣзда, на рѣкѣ Кокшенгѣ, построенная въ 1683 году. По своимъ формамъ и огромнымъ размѣрамъ (высота 22 сажени) церковь эта представляетъ довольно интересный памятникъ старины. На одномъ чертежѣ изображена церковь въ селѣ Уймѣ Арханг. губ. Мотивъ ея довольно простой, т. е. четырехугольный срубъ, покрытый на 8 скатовъ, съ 4 фронтонами. Галерейка покоится на выпускныхъ бревнахъ. Общая форма фасада церкви, какъ и многихъ другихъ на Двинѣ, представляетъ ту особенность, что своими очертаніями напоминаетъ корабль. Несомнѣнно, что

въ періодъ развитія у насъ символики такой формой выражалось народное представленіе о значеніи церкви въ жизни: церковь уподоблялась кораблю, при помощи котораго достигалась върующими желанная пристань. Тѣмъ же менѣе въ этой формѣ нельзя не подмѣтить и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣткахъ, устранилась во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей.

По Двинѣ есть еще типъ церквей, извѣстныхъ подъ названіемъ „*мстлыжъ*“, въ противоположность шатровымъ (холоднымъ). Такія церкви по плану сходны съ церквами Вельскаго уѣзда, но фасадъ представляетъ весьма простой мотивъ, т. е. часто трапезная и церковь, даже алтарь, имѣютъ одинъ общій прямоугольникъ, покрытый двухскатной крышей; самая же церковь высилилась съ двумя высокими восьмериками съ одной или двумя главками (рисункъ Пермгорской церкви, Сольвычегодскаго уѣзда, построенной въ началѣ XVII в.).

Для уясненія деревянной церковной архитектуры, г. Сусловымъ выставлены были такимъ образомъ рисунки слѣдующихъ церквей: 1) Владимирской Божіей Матери на Бѣлослудскомъ погостѣ, 2) Воскресенія въ Пермгорѣ, Сольвычегодскаго уѣзда Вологод. губ., 3) Богоматеринской, на Валуевомъ ручьѣ, 4) Св. Спаса, на рѣкѣ Кокшенѣ, Тотемскаго уѣзда, 5) Иліи пророка въ селѣ Ростовскомъ, Вельскаго уѣзда, 6) Николая чудотворца въ селѣ Уймѣ Архангельскаго уѣзда, 7) св. Троицы въ Шеговарской волости (1666 г.) Шенкур. уѣзда, 8) Успенской на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ, 9) Собора въ городѣ Шенкурскѣ, 10) Колокольни на Ракульскомъ погостѣ Шенкур. уѣзда, въ селѣ Цивозерѣ Сольвычегодскаго уѣзда, на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ и др. Г. Сусловымъ выставлены были также рисунки построекъ для жилья, напр. избы села Воробьевскаго Кадниковскаго уѣзда Вологод. губ. Рисунки эти г. Сусловъ демонстрировалъ на послѣднемъ VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы слышали, предназначены къ изданію въ трудахъ этого съѣзда.

Особенно любопытенъ трудъ г. Суслова по изслѣдованію соборнаго храма въ гор. Романовѣ-Ворисоглѣбскѣ Ярославской губ. Акварельные рисунки фасада и деталей этого храма, исполненные имъ въ 1884 г. также по порученію Академіи Художествъ, характеризуютъ эпоху полного развитія

нашей каменной архитектуры XVII в., исполнены имъ добросовѣстно, со вкусомъ и пониманіемъ стила. Романовскій соборъ, соединивъ въ себѣ всѣ особенности нашей архитектуры, достигнувъ полнаго впечатлѣнія какъ на эстетическую, такъ и религиозную сторону человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ ярко характеризуетъ собою ту эпоху нашего зодчества, въ которую оно развернулось во всей своей силѣ и полнотѣ духовной мысли. Основой для его плана и фасада послужили церкви Владиміро-Суздальскаго края, т. е. онъ имѣетъ троечастное дѣленіе съ пятью правильно расположенными куполами и тройнымъ абсидомъ. Храмъ украшенъ хорошей фресковой живописью. Стилъ его, какъ и всѣхъ памятниковъ этой эпохи, за малымъ исключеніемъ, представляетъ ту особенность, что строители его уже освобождаются отъ византийскихъ традицій, а декоративная часть фасадовъ представляетъ какъ бы полную аналогію съ мотивами, выработанными въ деревянныхъ церквяхъ сѣверной Россіи.

Посѣтители Академіи художествъ, обойдя въ ней картинную выставку и архитектурную, могутъ продолжать свой обзоръ въ музеѣ древне-русскаго искусства, переведенномъ недавно въ другое помѣщеніе. Здѣсь выставлена масса храмовой утвари, вывезенной г. Суловымъ въ прошломъ году преимущественно изъ Ярославской губерніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ собраніи *царскія двери* XVI в., въ 2 арш. слишкомъ высоты, формы эллиптической; онѣ обрамлены орнаментированной рамкой, съ 6 клеймами въ дверяхъ, и вообще крайне интересны не столько по изяществу, сколько по орнаментациі.

Любопытна цѣлая деревянная *часовня*. Она съ нѣкоторыми другими рѣдкими вещами передана г. Сулову причтомъ Воскресенскаго собора въ гор. Романовъ-Борисоглѣбскѣ, Ярослав. губ. Часовенка по плану прямоугольная, покрытая сплошь орнаментами, стояла когда-то въ соборѣ съ почитаемымъ образомъ св. Николая чудотворца. Ея двустворчатныя двери представляютъ собою сплошной ажурный орнаментъ, покрытый позолотой и серебромъ; углы обдѣланы въ видѣ пилястръ, во впадинкахъ которыхъ выточены орнаменты. Особенно замѣчательна верхушка часовни, имѣющая подобіе шатра. Она двухъ-ярусная. Каждый ярусъ имѣетъ шесть столбиковъ съ заставками, покрытыми золочеными орнаментами. Вся часовня увѣнчана тремя главками. Шейки главковъ обдѣланы также, какъ и главы въ церкви,

т. е. съ окнами и наличниками. Самыя главки по украшенію и формѣ своей чрезвычайно сходны съ главами церкви Василя Блаженнаго въ Москвѣ.

Круглыя *брачные отъицы* замѣчательны по ажурнымъ орнаментамъ, клеймамъ изображеній святыхъ и херувимовъ и по верушкѣ въ видѣ приплюснутаго сферическаго свода.

Заслуживаютъ вниманія *доски*, которыя служили горизонтальнымъ раздѣленіемъ образовъ въ иконостасѣ. Орнаменты разныхъ цвѣтовъ расположены на нихъ въ шесть рядовъ.

Лампады красной мѣди XVI и XVII стол. заслуживаютъ вниманія по своимъ ажурнымъ орнаментамъ, завиткамъ и другимъ украшеніямъ.

Коллекція этихъ памятниковъ г. Суловымъ принесена въ даръ Академіи художествъ. Академическій музей древне-христіанскихъ предметовъ, такимъ образомъ, съ прошлаго года значительно увеличился, благодаря любезности духовенства Ярославской епархіи, особенно благодаря просвѣщенному вниманію къ церковнымъ древностямъ мѣстнаго архіепископа Іоаннафана, который во время періодическихъ епархіальныхъ обзорѣній между прочимъ обращаетъ особенное вниманіе на предметы церковной археологіи, зачастую сваленные съ незапамятныхъ временъ въ кладовыя, часовни или просто на церковныя чердаки. Подобное отношеніе въ церковнымъ древностямъ епархіальнаго начальства и обильная археологическая жатва расположили, какъ намъ извѣстно, г. Сулова еще разъ съѣздить въ Ярославскую епархію со тою же ученою цѣлью. Академія художествъ съ своей стороны на торжественномъ своемъ годичномъ собраніи 4 ноября 1884 г. удостоила преосвящ. Ярославскаго Іоаннафана званіемъ почетнаго члена Академіи.

Заграничныя пенсіонеры Академіи художествъ также выставили свои коллекціи эскизовъ, рисунковъ и чертежей, какъ матеріалъ собранный ими во время путешествія по Европѣ, необходимый художнику-архитектору для его усовершенствованія. Въ этой коллекціи вы видите разносторонніе древне-христіанскіе и византійскіе памятники, преимущественно изъ области церковныхъ древностей. Особенно интересны работы пенсіонера *Чашина*. Осматривая всестороннія художественныя сокровища Рима, онъ заинтересовался преимущественно памятниками древне-христіанскаго и византійскаго стилей. Занятія этой отраслью искусства такъ увлекли его, что послужили спеціальною канвою для его художественныхъ трудовъ, расположили къ архео-

логическимъ изслѣдованіямъ еще нетронутыхъ памятниковъ. Древне-христіанскія и византійскія богатства Рима и другихъ большихъ городовъ Италіи достаточно извѣстны и разработаны, за исключеніемъ восточнаго ея берега по Адриатическому морю. Для изученія византійскаго стиля г. Чагинъ посѣтилъ сначала нѣкоторые болѣе обшчавшіе города восточной прибрежной части Средней и Сѣверной Италіи, именно работалъ въ городахъ: Терни, Нарни, Сполето, Монтефальконе, Ассизи, Спелло, Фолинья, Беванья, Перуджиа, Губбю, Анкоиъ, Болонья, Равеннѣ, Помпозѣ, Венеціи, Веронѣ, Чивидаль, на островахъ Торчелло и Мурано, путешествовалъ по Истріи и Далмаціи, именно въ городахъ, насколько мало извѣстныхъ художественному и ученому міру, настолько же и богатыхъ древне-христіанскими и византійскими памятниками: Триестѣ, Пирано, Паренцо, Пола, Оссеро, Фіуме, Арбе, Нона, Цара, Себенико, Спалато и Рагуза. Его работы замѣчательны какъ по количеству (106), слѣдовательно по значительной полнотѣ, такъ по выработанности рисунка и высокому художественному исполненію. Между работами его вы видите эскизы и рисунки дверей церковныхъ, порталовъ, крестовъ, посоховъ, сѣней, саркофаговъ, алтарей, стѣнныхъ изображеній, орнаментики, мозаики, барельефовъ, епископскихъ сѣдалищъ, надгробныхъ памятниковъ, фрагментовъ базиликъ, церковныхъ оконъ, утвари и др. Изъ города Сполета г. Чагинъ зачертилъ галерею собора съ круглымъ окномъ, дверь церкви св. Николая, боковую дверь S. Pietro; изъ гор. Терни: части убранствъ порталовъ собора, два креста X вѣка изъ соборной ризницы, посохъ и части наличниковъ портала собора; изъ г. Ассизи: архитектурныя части собора св. Руфина, главный порталъ, двери, окна этого собора; изъ г. Беванья: порталы церквей св. Сильвестра и Михаила X — XI в.; изъ Равенны: сѣнь IX в., саркофагъ изъ св. Аполлинарія, алтарь изъ св. Виталія; изъ Венеціи: перспективный видъ внутренности церкви св. Марка; изъ Паренцо: фрагменты базилики VI в., епископское сѣдалище и боковой видъ сѣдѣній VII в., капители колоннъ базилики VI в., остатки саркофага VIII в., мозаику алтаря X — XI в. въ соборѣ этого города и т. п. Всѣ эскизы и рисунки съ натуры отчасти карандашные, отчасти акварельные. Г. Чагинъ, какъ видно, рисовальщикъ крупный, талантливый. Работы его получили уже оцѣнку за границей. Нѣкоторые изъ собранныхъ имъ памятниковъ въ упомянутыхъ славянскихъ краяхъ уже изданы въ 1884 г. про-

профессоромъ Вѣнскаго университета и директоромъ королевскаго музея древностей, известнымъ археологомъ Рудольфомъ Эйтельбергеромъ въ его увражѣ: Die mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens, in urbe Nona, Zara, Sebenico, Trau, Spalato und Ragusa (Wien, 1884 г.) IV Band.

Также интересны работы другаго пенсионера—г. *Преображенскаго*, какъ продуктъ его путешествій во Флоренцію, Бельгiю, Голландiю, Германию и Италию.

Памятникъ покойныхъ членовъ Института (князя І. А. Мещерскаго и П. Н. Костомарова).

Уже болѣе года прошло со дня кончины почетнаго члена Археологическаго Института князя *Іосифа Александровича Мещерскаго* ⁽¹⁾, и однако Институтъ еще не успѣлъ заявить какъ много онъ потерялъ вслѣдствіе этой преждевременной кончины. Какъ директоръ Института, я думалъ посвятить одно изъ нашихъ вечернихъ чтеній памяти князя и при этомъ выяснитъ какой цѣнный матеріалъ онъ мнѣ доставилъ для изученія географіи Россіи съ XVI-го вѣка по XIX-й. Но глубокое уваженіе къ памяти усопшаго побуждало меня обставить мое чтеніе такими данными, которыя не только пополняли бы доставленные мнѣ свѣдѣнія, но и дали бы труду князя Мещерскаго значеніе капитальнаго вклада въ науку. Вѣрный этой обязанности, я и теперь оставляю ее за собой, здѣсь же скажу лишь нѣсколько словъ въ память нашего незабвеннаго труженика.

По своей службѣ князь былъ старшимъ членомъ состоящей въ Москвѣ Межевой Канцеляріи и въ этомъ положеніи приносилъ огромную пользу не только межевому вѣдомству, но и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя обращались къ нему за справками и указаніями, испрашивали у него совѣта или наставленій. Двадцать цѣлыхъ лѣтъ неутомимыхъ трудовъ посвятилъ онъ такой службѣ. Какіе же остались видные слѣды столь долговременной его дѣятельности? Вотъ что сказала объ этомъ, при погребеніи князя, одинъ изъ знатоковъ межеваго дѣла ⁽²⁾: „Межевая литература, воз-

(1) Кончина его послѣдовала 27 апрѣля 1884 года.

(2) С. Д. Рудникъ. См. Межев. Вѣстникъ 1884 г., № 5 (Май).

Въсп. 4-й.

нившая въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, пережила за тѣмъ долгій періодъ полного застою. Съ тѣхъ поръ назрѣла масса вопросовъ, сложились новыя потребности. И первый, кто обратилъ вниманіе на эту важную отрасль права, былъ покойный князь. Его исторію государственнаго межеваго архива, печатавшуюся въ шестидесятихъ годахъ въ „Современной Лѣтописи“ подъ скромнымъ псевдонимомъ начальной буквы его фамиліи, прочелъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ не только межевой спеціалистъ, но и всякій, интересующійся исторіей и юриспруденціей. Занимая одинъ изъ важныхъ постовъ въ межевой службѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы облегчить трудную задачу межеваго техника. Лишь только почувствовалась потребность въ составленіи полнаго сборника межевыхъ законовъ съ ихъ разъясненіями, — князь тотчасъ же принялъ непосредственное участіе въ этомъ обширномъ трудѣ. Второе изданіе „Межеваго Сборника“, составляющее настоящую книгу межевыхъ спеціалистовъ, вышло въ свѣтъ всецѣло подъ его редакціей и руководствомъ. Даже на смертномъ одрѣ онъ не переставалъ заботиться о дорогомъ для него межевомъ дѣлѣ и хлопоталъ о напечатаніи втораго продолженія къ „Сборнику“. Вопросъ о реформѣ межевой части, можно сказать, еще только всплывалъ на поверхность, а покойный князь уже дѣятельно работалъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, указывая лучшіе пути для проведенія его въ жизнь. Лишь только появился въ свѣтъ проектъ новаго межеваго устава, какъ онъ немедленно принялся за его разсмотрѣніе. Строгая непристрастность сужденій, отсутствіе ложнаго корпоративнаго самолюбія — нечего и говорить о его личныхъ интересахъ — ихъ никогда не было у князя, когда шла рѣчь объ общемъ дѣлѣ, — вотъ краткая характеристика мнѣнія покойнаго по этому важному предмету. Лишь только осуществилась мысль объ изданіи спеціального межеваго органа печати, „Межеваго Вѣстника“, какъ князь не замедлилъ отозваться выраженіемъ самаго теплаго сочувствія на это благое и доброе — какъ онъ выражался — начинаніе. Не было просьбы отъ редакціи, которая была бы имъ оставлена безъ полнаго удовлетверенія. Несомнѣнно, что только смерть помѣшала видѣть на страницахъ „Межеваго Вѣстника“ труды князя, уже готовившіеся къ печати“.

Казалось бы, при такой дѣятельности не должно было оставаться у покойнаго свободной минуты для другихъ занятій. Но не только минуты,

а даже цѣлые часы нашлись, и какія это были освѣжавшія труженика, работавшаго надъ сухимъ, по видимому, дѣломъ, теплыя, высокому искусству посвященныя занятія. Князь былъ меломанъ и музыкантъ не только душою, но и имѣлъ потребныя для того таланты. Онъ былъ постояннымъ членомъ Общества любителей драматическаго искусства въ Москвѣ, любилъ въ тоже время археологію, въ особенности русскія древности и съ жаромъ принялся за тему „о засѣкахъ или чертахъ Московскаго государства“, которую я просилъ его разработать по бывшимъ у него подъ рукою источникамъ. Но чѣмъ особенно привязывалъ къ себѣ князь не только служившихъ съ нимъ, но и всѣхъ своихъ знакомыхъ — это было его рѣдкое, горячее ко всему прекрасному и полезному сердце, страсть его къ знаніямъ и труду, но съ цѣлью служить ими своимъ ближнимъ, помогать нуждающимся, словомъ, — это былъ человѣкъ дѣйствительно „высокой чести и добра“, какъ сказалъ о немъ въ надгробномъ своемъ словѣ другой его товарищъ.

Отдавая послѣдній долгъ нашему дорогому сочлену по Институту, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что такіе люди какъ покойный князь, свѣдущіе, талантливые и трудолюбивые, остаются обыкновенно, только вслѣдствіе излишней своей скромности, въ полной почти неизвѣстности въ бюрократическихъ сферахъ, и отечество не можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться ни ихъ знаніями, ни усердіемъ къ дѣлу и къ пользѣ своихъ ближнихъ. На другихъ, слѣдовательно, дѣятеляхъ, имѣющихъ большее вліяніе въ своемъ кругу, лежитъ обязанность доводить о нихъ до общаго свѣдѣнія. А сколько такихъ тружениковъ, едва ли кому извѣстныхъ въ нашихъ столицахъ, а между тѣмъ готовыхъ и достойныхъ посвящать отечеству свои дарованія и силы, таятся въ разныхъ мѣстностяхъ и заголустьяхъ нашего обширнаго государства. . . .

Совсѣмъ иное приходится намъ сказать о другомъ нашемъ сочленѣ по Институту *Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ*. Это былъ не только въ высшей степени даровитый историкъ, но и писатель въ болѣе обширномъ значеніи слова, отзывавшійся легко и живо на всѣ политическіе, социальныя и даже частныя запросы и мысли. Его талантливое перо, легко поддававшееся увлеченію занимавшимъ его предметомъ, сдѣлало его извѣстнымъ на первыхъ же шагахъ его литературнаго поприща не только въ Малорос-

сѣмь, но и въ обѣихъ столицахъ и послужило поводомъ къ разразившейся надъ нимъ невзгодѣ въ то самое время, когда онъ готовился быть профессоромъ и вступить въ счастливую семейную жизнь. Мы имѣли удовольствіе познакомиться съ нимъ въ Саратовѣ, гдѣ онъ жилъ въ административной ссылке, по освобожденіи его изъ крѣпости, и впоследствии сойдясь съ нимъ близко, считаемъ себя въ обязанности сказать нѣсколько словъ въ его память. Живя одинъ съ своей почтенной матерью (уже старушкой), окружавшей его самыми иѣжными заботами и горячо имъ любимою, Николай Ивановичъ числился на службѣ въ канцеляріи губернатора, который поручалъ ему преимущественно статистическія работы и между прочимъ сообщалъ ему свѣдѣнія для составлявшейся тогда записки (писалъ ее однако главнымъ образомъ Костомаровъ) о выгодахъ сооруженія Саратовской желѣзной дороги. Я былъ и личнымъ свидѣтелемъ какъ легко Н. И. собиралъ нужныя ему статистическія свѣдѣнія и облакалъ ихъ даже въ изящную форму. Однажды, не получая долго отъ Сердобскаго исправника годоваго отчета по его уѣзду, губернаторъ поручилъ Николаю Ивановичу съѣздить въ Сердобскъ, и какъ мое имѣніе находится въ 7 верстахъ отъ этого города, то онъ прежде всего пріѣхалъ ко мнѣ, а на другой день исправникъ сообщилъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія, такъ что Н. И. уже черезъ пять дней повезъ въ Саратовъ всѣ требовавшіеся отчеты, статистическія данныя и даже составленныя имъ таблицы. Но эти пять дней онъ провелъ у меня, въ моей семьѣ, и мы не могли довольно удивиться его дѣятельности и разнообразію его талантовъ. „У васъ вѣрно поются въ народѣ какія нибудь мѣстныя пѣсни“, спросилъ онъ меня, и я кликнулъ двухъ крестьянокъ, которыя пропѣли ему разныя преданія, изъ коихъ одно напечатано впоследствии въ моемъ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи“⁽¹⁾. Вечеромъ онъ садился на балконъ и, объяснивъ окружающимъ его пріемы такъ распространенныхъ въ настоящее время постукиванія въ столъ и накладыванія рукъ на подающихся легкому усыпленію субъектовъ, вывѣдывалъ отъ нихъ отвѣты и тайны, сообщающія насъ съ другимъ міромъ. Издававшійся мною тогда „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“ ему очень понравился и онъ обѣщалъ мнѣ нѣсколько статей, которыя и были напечатаны мною

(1) Подъ заглавіемъ: «Разбойничья пѣсня».

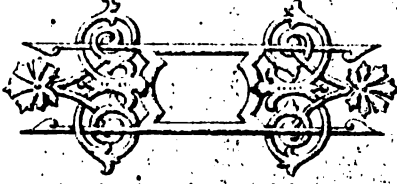
впоследствии, но уже въ другомъ изданіи, именно въ упомянутомъ выше „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“. Изъ нихъ статья: Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права и особенно статья о Варягахъ-Руси еще прежде изданія ихъ въ свѣтъ вызвали оживленный диспутъ между Николаемъ Ивановичемъ (тогда онъ жилъ уже въ Петербургѣ) и М. П. Погодинымъ. Этотъ диспутъ происходилъ на одномъ изъ бывшихъ въ моемъ домѣ вечернихъ собраній, которое Погодинъ описалъ очень живо въ издававшемся имъ „Москвитянинѣ“. Въ то время Костомаровъ уже читалъ лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ и мнѣ приходилось съ нимъ не только часто видѣться, но и спорить: онъ обыкновенно соглашался со мною, но когда его статья появлялась въ печати, то мое вліяніе на него оказывалось ничтожнымъ. Тѣмъ не менѣе одно лѣто мы провели съ нимъ очень дружно: онъ жилъ у меня въ домѣ, мы ѣздили съ нимъ за городъ и посѣщали вмѣстѣ разныя увеселительныя заведенія (*honny soit qui mal y pense*), спорили до слезъ и возвращались къ ночи до того возбужденны, что Костомаровъ не могъ долго заснуть, раздѣвался и принимался за перо. Мой отъѣздъ на долгое время по дѣламъ службы въ Москву, а затѣмъ усиленные занятія по Институту и разнымъ изданіямъ насъ разсѣдинили, но мы встрѣчались всегда дружно и любовно вспоминали старину...

И наука, и изящная литература будутъ еще долго, если не вѣчно, освѣжаться прекрасными картинами, начертанными рукою историка-художника, а семейство покойнаго (онъ женился впоследствии на бывшей своей повѣствѣ въ началѣ службы), его друзья и знакомые будутъ всегда беречь въ своихъ портфеляхъ его дѣловыя, остроумныя записки, писавшіяся имъ часто подъ ладъ нашихъ старинныхъ „челобитень“ и посланій и хранить въ своей памяти слышанныя отъ него въ домашнемъ быту „рацеи“ и шуточные рассказы „о бѣсахъ (въ особенности о бѣсѣ Зефеусѣ)“, ихъ похожденияхъ и шалостяхъ.

Н. К.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Редакція „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линіи, д. № 19, въ бібліотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Петерб., стор.
Большой пр. д. № 45.